

У Л Л О
ГОРНЫЙ БАРДЪ,

ИЛИ

СТРАШИЛИЩА ВЪ СКАЛАХЪ
Х И Л Л Ы.

Книжка II.

Переводъ съ Англинскаго.

П . . Т . . в а .

Изданіе вшорое.

МОСКВА.
Въ Типографіи С. Селивановскаго
1813.

Первое изданіе напечатано съ одобренія Ценсурнаго Комитета, учрежденнаго для Округа Императорскаго Московскаго Университета.

КНИЖКА ЧЕТВЕРТАЯ.

О дружба! Ангелъ милый,
Будь всюду спутникъ мой,
И ужасы могилы
Ничто передо мной.

А . . . М . . . й.

XVI.

Это нападеніе ясно доказало, что предостерегающіе звуки Улловой арфы были очень основательны, и что подлый Гиральдо почто обманывалъ бездѣльнически Олмара, вступивъ въ связь съ злодѣями, чтобы изпробить съ ихъ помощію въ немъ навсегда себѣ опаснаго соперника — весь планъ расположенъ былъ шакъ хипро и надежно, что Гиральдо нимаго не сомнѣвался о щасливомъ исполненіи онаго — какъ вдругъ не-

ожиданно увидѣлъ онъ свои злобныя предпріянія совершенно разрушены чрезъ неизвѣстныхъ ему людей, которыхъ, казалось, извергла земля уничтоживъ его умысль.

Помощники Гиральда были или разсѣяны, или пали отъ рукъ неизвѣстныхъ защитниковъ *Олмара* — онъ самъ едва ускользнулъ отъ ихъ ужасныхъ мечей, и темношъ ночи обязанъ онъ былъ своимъ спасеніемъ; подъ ея кровомъ скрылся онъ бѣгствомъ сквозь глухой кустарникъ *лѣса*. Упомненъ и исполненъ бѣшенства о неудачномъ исполненіи своего намеренія, прибѣгъ онъ въ замокъ *Росвика*, гдѣ все наслаждалось глубокимъ сномъ, чѣмъ шамъ на свободѣ мечшашъ о новыхъ средствахъ погубить *Олмара*. — Онъ нешерпѣливо ожидалъ ушра, чѣмъ вывѣдашь въ замкѣ *Олмаровомъ*, не зналъ ли сей послѣдній, что онъ былъ начальникъ эшого заговора прошивъ него.

Но какъ удивился онъ , нашедъ въ замкѣ *Олмара* всѣхъ въ безпокойствѣ о неизвѣстномъ отсутствіи своего Господина. — Всѣ его подданные, въ горести о поперѣ своего Повелишеля, щещно ожидали возвращенія его, и всѣ, посланные его искать, возвратились, не нашедъ ни малѣйшаго слѣда его пребыванія ; надежда начала воскресать въ сердцѣ *Гиральда*, что можетъ быть намѣреніе его неожиданно исполнилось, и *Олмаръ* палъ въ сраженіи; — эта надежда исполнила его такою бѣшеною радостію, что онъ не имѣлъ больше силъ скрывать ее подъ припворною горестію о поперѣ своего друга.

Не медля, отправился онъ обратно въ замокъ *Росвика* взявъ свои мѣры, чтобъ, если сія надежда окажется неосновательна, увѣнчавъ чрезъ нихъ наконецъ свои желанія.

По возвращеніи своемъ онъ позвалъ къ себѣ *Лютю*, одного изъ рабовъ *Росвика*, посѣдѣвшаго въ бездѣль-

ничествахъ злодѣя, котораго чрезъ подарки и обѣщанія привлекъ онъ на свою сторону, и сдѣлалъ участникомъ въ своихъ злодѣйствахъ. Ему поручилъ *Гиральдо* послать нѣсколько вѣрныхъ поварищей, чтобъ они спарались, если пропивъ чаянїя опять явился *Олмаръ*, принесъ онаго въ жертву его мщенїю.

Этотъ злодѣй какъ можно спарался узнать, не извѣстно ли въ замкѣ *Олмара* учиненное имъ нападенїе на него въ лѣсу, и съ удовольствїемъ увидѣлъ, что его опасенїе съ этой стороны было неосновательно.

Попеченїя и безпокойства, въ которыхъ находились подданные *Олмара*, попушены были чрезвычайно прїятнымъ и нечаянымъ для нихъ образомъ. — Едва только *Гиральдо* оспавилъ замокъ, какъ явился въ немъ молодой, прекрасный Рыцарь, и приказалъ позвать къ себѣ начальника *Олмарова* замка, спараго, вѣрнаго

Рулрехта, и даль ему знашь о себѣ, какъ о другѣ его Господина, кошорый прибыль увѣдомишь его объ немъ.

„Я пришель вывесшь тебя изъ твоего безпокойства въ разсужденіи опсущствія твоего Господина“ — сказаль незнакомецъ *Рулрехту*; не забошьтесъ! мой другъ безопа-сенъ, и извѣщаешъ тебя чрезъ меня, чтобъ ты не смущался долгимъ его опсущствіемъ опъ васъ.

Рулрехтъ. Гдѣ жъ нашъ Повели-шель? —

Незнакомецъ. Онъ находится въ замкѣ моего опца, и пробудешъ еще нѣсколькo дней въ ономъ, чтобъ насладишься радостію въ объятіяхъ возобновленной нашей дружбы послѣ долгой разлуки.

Рулрехтъ. Могу ли я вѣришь словамъ вашимъ?

Незнакомецъ. Этопъ перспень твоего Господина пущь будетъ тебѣ доказательствомъ истинны рѣчей мо-ихъ.

Рулрехтъ. Это доказательство истребляетъ всякое подозрѣніе въ моемъ сердцѣ пропивъ васъ: примите нашу сердечную благодарность; ваше прибытіе возвратило намъ наше спокойствіе, и мы можемъ надежно ожидать теперь нашего Господина — но благородный Рыцарь! черты вашего лица мнѣ совершенно неизвѣстны, и я не могу вспомнить, чтобы когда-нибудь видалъ васъ.

Незнакомецъ. Это очень натурально, потому что я недавно возвратился изъ Франціи къ моимъ родителямъ.

Рулрехтъ. Смѣю ли спросить ваше имя?

Незнакомецъ. Я называюсь *Арно*; скоро услышишь ты больше обо мнѣ, и узнаешь меня какъ друга благороднаго *Отмара*, до тѣхъ поръ прощай.

Онъ удалился послѣ сихъ словъ, и на быстрой конѣ полетѣлъ какъ молнія по долину.

Гиральдо между тѣмъ удвоивалъ старанія привлекать къ себѣ благосклонность *Росвика*, умножая его ненависть противъ *Олмара*, и бралъ мѣры изгнать его изъ сердца *Миноны*, а между тѣмъ съ помощію злодѣя *Лето* приносилъ къ *Минонѣ* о поведѣніи *Олмара* самыя поспыдныя извѣстія, чшобы тѣмъ превратить любовь ея въ презрѣніе къ нему; однакожь таковыя обманы служили только къ собсшвенному униженію его въ глазахъ *Миноны*, и представляли ей всѣ его гнусныя поступки въ ясномъ видѣ, чшобъ дать ему почувствовать послѣ всю мѣру презрѣнія къ такимъ дѣйствіямъ.

Минона вывѣдала много также о тѣхъ злодѣяхъ, чшо возбудило въ ней опасеніе въ разсужденіи *Олмара*; она не безъ всякаго подозрѣнія принимала его припворство за чувствено искренней дружбы. *Минона* удѣлила часпію свои сомнѣнія своей подругѣ, и сія съ радостію взяла на себя

спрудъ отправишься въ заморь *Олмара*, чинобъ предостеречь его ошъ ложной дружбы *Гиральда*, и проводишь его къ шайному свиданію съ *Миноюю*.

Одинъ разъ уже *Гиральдо* прервалъ ихъ разговоръ о семъ съ *Олмаромъ*, и она не опваживалась въ другой разъ искашь *Олмара* въ роцѣ, а подь предлогомъ уединенной прогулки намѣрена была отправишься въ его замокъ; но сколь было велико ея удивленіе, когда она пришедъ туда, получила шамъ извѣстіе ошъ стараго *Рулрехла*, что *Олмаръ* нѣсколько уже дней пропалъ, и что до сихъ поръ они напрасно ждуть его возвращенія.

Удивленіе *Эдды* превратилось въ боязнь, потому что она приписывала о несуществіе *Олмара* какому-нибудь новому бездѣльничеству *Гиральда*; но эти чувства скоро прошли, когда *Рулрехль* ей сообщилъ ближайшія извѣстія обь *Олмарѣ* и

явленіе къ нимъ незнакомца. — Довольно было одного имени *Арно*, чѣшобъ ей совершенно успокоить себя въ разсужденіи безопасности *Олмаровой*, хопя и не могла понять причины оплучки его, и попомъ явленія своего друга. — Она не мѣдлѣ спѣшила назадъ, чѣшобы сообщивъ *Минонѣ* свои извѣстія, полученныя ею въ замкѣ ея любовника, и успокоить ее въ разсужденіи *Олмара*, между тѣмъ какъ и собственныя ея надежды чрезъ явленіе *Арново* въ замкѣ получили новую пищу и служили ей доказательствомъ, что онъ находился не вдалекѣ отъ нихъ, и съ помощію шаманскаго спарца вѣрно употребивъ всевозможныя средства она въ видѣхъ съ нею и разрушить ковы, копорые злоба распавила *Минонѣ* и *Олмару*.

Сопровожденіе, копорое *Гирольдо* видѣлъ въ *Минонѣ*, воспламенило только больше его гнусныя желанія,

и онъ рѣшился твердо чрезъ хипросъ или насильство получить ея руку. — Въ этомъ намѣреніи часъ ошъ часу умножалъ онъ свою хипросъ и ласкашельства привязать къ себѣ *Росвика*, и выиграть у него то, что получить не надѣялся чрезъ согласіе *Миноны*.

Со всею своею хипросію вымышляялъ онъ средства умножить гнѣвъ *Росвика* прошивъ *Олмара*, и наконецъ вздумалъ оклеветать его въ разныхъ умыслахъ прошивъ *Росвика*, и сказалъ немедленно послѣднему, что будто *Олмаръ* рѣшился умершвишь его, и расположилъ втайнѣ напасъ на замокъ, чтобъ похитивъ *Минону*, предать его въ жертву своему мщенію. Но и здѣсь злодѣй не имѣлъ успѣха; ибо *Росвикъ* послалъ тайно развѣдать объ этомъ, и полученные имъ послѣднія извѣстія прошиворѣчили первымъ.

Наконецъ *Гиральдо* отважился дать почувствовать *Росвику* свою

любовь къ *Минопѣ*, и просишь его о ея рукѣ; но эпощь опытъ не имѣлъ никакого дѣйствія у *Росвика*, хощя *Гиральдо* почишалъ уже его прежде исполнившимся въ свою пользу. — *Росвикъ* поклялся поржеспвенно, что онъ никогда не будещь принуждашь дочь свою къ выбору супруга, котораго не одобришь ея сердце.

Эпо униженіе было слишкомъ чувспвишельно для *Гиральда*, чщобъ онъ могъ перенесшь его равнодушно; ему должно было призвашь на помощь свое прищворство, чщобъ скрышь свои злобныя прощивъ его чувспва. — Исполненъ бѣшенства и мщенія, полещѣлъ онъ къ своему опцу извѣстишь его о всемъ происходившемъ, и вмѣстѣ съ нимъ избрашь средства удовлещворишь своимъ желаніямъ.

Услыша опъ сына о производившемъ въ замкѣ *Росвика* сопрощивленіи его прощивъ желанія *Гиральда* на союзъ съ *Минопюю*, а больше о

явленіи защитниковъ при ночномъ нападении на *Олмара* почувствовали *Рино* многія безпокойства и опасенія. — „Эпо ясно, сказалъ онъ, что мы окружены тайнственными врагами и наблюдателями нашихъ дѣлъ, которые вывѣдавъ наши намѣренія, взяли *Олмара* въ свое покровительство, чтобъ разрушить шѣмъ мои надежды и намѣренія. Для того ли прудился я безпрестанно въ печеніе моей жизни, и проводилъ многія ночи безъ сна, вымышляя средства къ утоленію жажды моего мщенія, чтобъ послѣ такъ близко отъ моей цѣли ихъ исполненія, всѣ мои надежды разрушились отъ руки незнакомаго мнѣ противника?“

„Этого не будетъ! прервалъ его *Гиральдо*: пусть незнакомый злодѣй вооружается противу насъ; но я чувствую силу и рѣшимельность, отважись на все, чтобъ извлечь его изъ сокровенности, и

уничтожишь всё его намѣренія прошивъ насъ. Скорый и смѣлый способъ можешь насъ въ одинъ мигъ приближишь къ нашей цѣли. Еслили не будетъ *Росвика*, то кто еще можешь тогда прошивъ меня вооружиться, и запретишь мнѣ обладаніе его сокровищъ и дочери? —

Рино. Еслили всё другія средства будутъ ненадежны и напрасны, то не остается намъ конечно никакого способа; но я бы весьма желалъ нѣсколько времени сбегать *Росвика* для моего мщенія, покуда всякое препятствіе исчезнетъ, затрудняющее намъ теперь дорогу къ нашему желанію — еще останутся послѣ *Росвика* намъ опасные прошивники въ *Отмарѣ* и его незвѣстныхъ защитникахъ. —

Гиральдо. Я ни мало ихъ не опасуюсь. *Отмарова* отлучка, и тщетность моихъ спараній узнать о его пребываніи, увѣряюшь меня, что его

нѣшь болѣе въ живыхъ; но естѣлибѣ и сія надежда оспалась неосновательна; естѣлибѣ *Олмаръ* когда-нибудь и показался, то одинъ ударъ, хорошо направленный въ его сердце, сдѣлаешъ его всегда безвреднымъ для насъ. — Естѣлибѣ небо и земля соединились къ его защитѣ, то и тогда не избѣжишь онъ моего мщенія въ претій разъ! —

Рино. Такъ, сынъ мой! до того времени, покуда будешъ живъ эшошь *Олмаръ*, мы не будемъ никогда радоваться исполненію нашихъ желаній и намѣреній. Извѣстна ли тебѣ сила его защитниковъ, которые въ союзъ съ нимъ прошивъ насъ? Естѣлибѣ и удалось тебѣ низвергнушь *Росвика* и надъ нимъ возвыситься на вершину величія имъ у насъ похищеннаго, то *Олмаръ* съ помощію своихъ друзей легко низвергнешъ тебя оляшь. На него долженъ ты обратишь теперъ все твое вниманіе, и какъ скоро не будешъ его, тогда я самъ опкрою тебѣ шаинство, ко-

порое храню въ груди моей до исполненія моего мщенія. Когда наспанешъ эпошь сладоспный часъ , я съ торжесствомъ приступлю тогда предъ *Росвика* , и съ ударомъ кинжала , долженспвующаго обратишь его въ ничпожеспво , скажу ему : эпо еспь дѣло рукъ моихъ! — Опчаянъ низвергнешся онъ тогда въ адъ.

Гиральдо. Позвольте , бапюшка , чшобъ я повторилъ вамъ мои прозъбы о желаніи узнать эту шайну : для чего я долженъ бышь такъ долго неизвѣспень о тѣхъ вещахъ , которыя кажутся бышь споль важны для насъ , и вѣрояпно имѣюшь значущее вліяніе и на меня? — Признаюсь вамъ испинно , эпо обспояспельспво занимаешъ меня необыкновененно , и наполняешъ меня безпреспаннымъ мучительнымъ безпокойспвомъ , которое съ каждымъ днемъ спановишся для меня несноснѣе ; ваше сомнѣніе во мнѣ , и мое терпѣніе огорчаютъ меня тѣмъ боль-

ше, чѣмъ живѣе я чувствую, что я не заслуживаю вашей довѣренности. — Бапюшка! склонись къ моимъ прозьбамъ; прервише ваше тайнственное молчаніе въ разсужденіи сихъ важныхъ обстоятельствъ, и удостои меня бысть хранителемъ сей вашей тайны — вы сами довѣряли мнѣ нѣсколько разъ ключъ къ оной; мнѣ извѣстна дорога къ спражу вашей печати на берегу морскомъ.

Рино. Хорошо, сынъ мой! я докажу тебѣ всю великость моей къ тебѣ опеческой довѣренности, открывъ тебѣ тайну, копорую до сего часа никто не зналъ, кромѣ меня и того уединеннаго жителя на берегу морскомъ. — Это тайнство есть важнѣйшій пунктъ въ моей жизни; въ немъ одномъ нашель я утѣшеніе, въ моемъ долговременномъ мученіи нашель награду того, что похитилъ у меня *Росвинъ* и у нашего рода его предки; въ этомъ тайнствѣ сокрытъ источникъ моего спокойствія и слад-

кихъ надеждъ въ будущемъ ; безъ него давно бы я погибъ жертвою опчаянiя : суди теперь самъ о важности того , что я намѣренъ ввѣрить тебѣ , и возможно ли было мнѣ открыть его тебѣ прежде ? Но не забывай , что одно неоспорожное слово отъ тебя можетъ разрушить все лестное зданiе нашихъ общихъ надеждъ , и низвергнуть равно и насъ въ тѣ пропасши и несчастiя , въ которыхъ долженъ насъ *Росвиль* жертвою моего мщенiя. —

Гиральдо. Не безпокойтесь объ этомъ , бабюшка ! Глубоко въ груди моей будетъ храниться тайнство ваше , подобно какъ въ мрачной могилѣ , и самая смерть не изпоргнетъ его у меня , никакiя мученiя и ужасы не будутъ возможны извлечь его , и лучше дамъ я изпоргнуть у себя языкъ , чѣмъ буду измѣнникомъ прошиву самаго себя.

Рино. И по сему ты достоинъ моей полной довѣренности. Не спанемъ

мѣдлншь разкрыть завѣсу, покрывавшую пайну мою предъ твоими взорами. (*подаеть ему маленькой ключъ*) Опопри эпошь маленькой шкафъ въ спѣнѣ, и подай мнѣ бумаги, копорыя въ немъ скрыпы, въ нихъ находнтся развязка пайны.

Гиральдо опперъ шкафъ, и изумлень обратился съ вопросомъ къ *Рино*: „Какія бумаги, бапюшка? я не нахожу ничего здѣсь, чего ожидалъ!“

„Не дай Боже!“ вскричалъ *Рино* съ ужасомъ, и бросился къ шкафу; но блѣдень какъ смерть, и съ разспроенными чертами въ лицѣ оисступиль онъ назадъ, нашедши маленькое опверспіе въ спѣнѣ совершенно пустымъ. „Силы небесныя! зашишите меня! я погибъ!“ вскричалъ онъ съ изсступленіемъ, и пораженъ спрахомъ упалъ безъ чувствъ на землю.

Гиральдо во время сей разительной сцены былъ самъ близокъ къ поперѣ чувствъ: его колѣни дрожали, холодный потъ выпупиль на его

челѣ, и всѣ нервы его препешали; спрашное предчувствіе истинны волосы его подняло дыбомъ; но онъ спарался ободрить себя, чшобы податъ помощь своему опцу въ его безчувствіи.

Ему удалось. *Рино* почувствовался изъ своего обморока, и съ помѣшанными мыслями бросилъ вокругъ себя дикіе взоры. „Ободритесь, батюшка! говорилъ ему принужденно *Гиральдо*, и соберите ваши разсѣянные мысли — видъ вашъ ужасенъ.

„Сонъ это или истина? говорилъ невнятно *Рино*: говори, справедливо ли, что нѣ бумаги.

„Я не нахожу ихъ, отвѣчалъ *Гиральдо*.

„Кто жъ сдѣлалъ это со мною! вскричалъ *Рино* въ сильномъ движеніи; мнѣ изменили, я погибъ! моя тайна открыта. Бездѣльникъ плутовски вкрался сюда и ее похитилъ; все зданіе моего мщенія и моихъ надеждъ обрушился надо мною.

Гиральдо. Это страшно, ужасно! Но умѣрьте нѣсколько вашу дикую, опчаянную горесть; можете еще не все потерять, можете быть мы сыщемъ другую дорогу, и уничтожимъ пагубное открытіе нашей пайны.

Рино. Какое средство осталось намъ еще? Моя гибель неизбежна! Но я клянусь всѣмъ ужасомъ ада: если я погибну, то погибну не безъ мщенія!

Гиральдо. Я предлагаю вамъ мою руку для помощи, только позвольте мнѣ узнать содержаніе похищенныхъ бумагъ.

Рино. Не спрашивай меня, и дай мнѣ время собрать разсѣяныя мои идеи, дай мнѣ рѣшиться: опасность близка и ужасна; однакожь смѣлое, отважное предпріятіе можете еще спасти насъ: чему должно быть, то должно быть скоро исполнено; ибо каждый мигъ ускоряетъ нашу гибель. Помогай, содѣлай, сынъ мой! и исполняй за меня.

Гиральдо. Съ радоснію; но дай-те мнѣ знашь, прошивъ кого долженъ я исполнять и дѣйствовать?

Рино. (послѣ нѣколораго молчанія) Одинъ только уединенный жилище на морскомъ берегу можетъ еще спасти насъ и удержатъ погибель нашу. — Спупай, сынъ мой! лепи къ нему, и не медли ни одной минуты увидѣшь его.

Гиральдо. Гдѣ найду я его пребываніе?

Рино. На сѣверной границѣ страны нашей — далеко — въ глубинѣ утесовъ горы *Кульы* на берегу моря живетъ онъ въ уединенной хижинѣ — *Рульвольдъ* его имя, онъ скажетъ все, чего я не могу теперь сказать тебѣ. Чтوبъ не терять напрасно драгоценнаго для насъ времени, спѣши, сынъ мой! найди его и расскажи все, что ты здѣсь видѣлъ и слышалъ; скажи ему, что документы, содержащіе въ себѣ ключъ нашей тайны, похищены; что опасность

чрезвычайна и близка, и одно кровавое мщеніе можешь опвратишь ее съ насъ; скажи, чпобъ онъ не медилъ вонзить убійственное желѣзо въ грудь своего невольника: одна смерть всего ненавистнаго можешь спасти насъ.

Гиральдо. Какого невольника?

Рино. Ты найдешь его въ жилищѣ Рулвольда и онъ познакомить тебя съ нимъ. Не спрашивай ничего болѣе, но слыши — слыши, покуда есть время и покуда не постигла насъ погибель.

Гиральдо. Вы оставяете меня въ мучительной неизвѣстности; но такъ и быть — я не спану болѣе безпокойшь васъ моими вопросами — я полечу сей же часъ къ Рулвольдову жилищу, чпобъ какъ можно скорѣе обрадовать васъ пріятнымъ извѣстіемъ. Проспите до свиданія и укрѣпляютъ себя сколько можно.

Рино. Духъ мщенія да управляетъ своими шагами и приведетъ

тебя скоро назадъ съ кровавымъ кинжаломъ, уничтожившимъ доказательство моего мщенія, въ мои объятія!

Гиральдо скоро побѣжалъ въ замокъ Росвика, и тамъ опспросился у него на короткое время подъ видомъ, будто съѣздить въ столицу для разъясненія своего, и опсправился искать уединеннаго жилища на берегу моря.

.....

XVI.

Опмаръ раненый безъ чувствъ повергся на землю, и безъ помощи своихъ незнакомыхъ защитниковъ, явившихся ему на звукъ рога, впалъ бы онъ вѣрно въ такомъ положеніи въ руки злобнаго *Гиральда* и его товарищей, равныхъ ему злодѣевъ.

Когда онъ опамятовался изъ своего обморока, и слабо опкрылъ глаза, увидѣлъ себя въ мрачной пещерѣ; — подлѣ его неизвѣстный ему человекъ спарался перевязать ему рану и привести его въ чувство.

„Гдѣ я?“ спросилъ Опмаръ слабымъ голосомъ, бросая вокругъ себя смущенные взоры, и содрогаясь отъ ужаса, видя себя въ мѣстѣ, которое принялъ онъ за подземельную шюрму *Росвицова* Замка.

„Успокойся, опвѣчалъ ему незнакомецъ, ты въ безопасности.“

„Въ темницѣ — вздохнулъ *Опмаръ* — о! неслыханное бездѣльничество! и такъ удалось наконецъ подлому *Гиральду* обольстить меня и погубить! Улло! Улло! ты ужасно наградилъ мою довѣренность.“

„Не обижай своего друга, прервалъ незнакомецъ, безъ его могущественной помощи ты былъ бы точно тамъ, гдѣ тецерь воображаешь бышь; ободрись и собери разсѣянные мысли — это не темница.“

„Не темница? спросилъ съ удивленіемъ *Опмаръ* — гдѣ же я?“

„Въ объясіяхъ дружбы, опвѣчалъ незнакомый, которая разрушила умыслы злобы и спасла тебя изъ

рукъ злодѣевъ. Не безпокойся, здѣсь тебѣ нечего опасаться, потому что твои друзья тебя окружаютъ, принимающіе искреннѣйшее участіе въ твоей судьбѣ и жизни. Тебѣ теперь нуженъ покой — укрѣпи себя сномъ, и когда утренніе лучи солнца освѣпятъ вершину горы, въ долину которой ты теперь находишься, тогда ты узнаешь болѣе; еще нѣсколько дней останешься ты здѣсь, и твое опускание изъ твоего жилища привлечетъ безпокойство твоимъ подданнымъ. Я спѣшу теперь къ нимъ, принести имъ о тебѣ извѣстіе и ихъ успокоить; дай мнѣ свой перстень для увѣренія ихъ.“

„Кто ты?“ спросилъ его *Олмаръ*, подавая ему свой перстень. — „Твой другъ, возразилъ незнакомецъ, который скоро соединится съ тобою святыми, неразрывными узами, и будетъ называть тебя своимъ братомъ.“

Онъ поцѣловаль съ горячностію *Олмара* и удамился. — При блѣдномъ свѣтѣ лампы разсмотрѣль *Олмаръ*, что онъ почно находмлся въ подземной пещерѣ, копорая имѣла многіе выходы въ другія граничушія съ ней пещеры. Онъ желаль бы изслѣдовать почнѣе подземелье и его окружность, естлибъ не препяшствовала ему въ помъ его слабость, и еще человекъ дикаго и спрашнаго вида, ~~споваиъ при входѣ~~, и казалось, приспавленный спражемъ къ нему, копорого пламенные взоры успремлены были на *Олмара*, не отвращаясь ни на минушу.

Испощенный, ослабшій погрузился *Олмаръ* попомъ въ глубокой сонъ, копорый очароваль чувсва его сладостною забывчивостію; пламенѣющая фанпазія предспавила ему въ прелеспныхъ видахъ насладеніи любви съ прелеспною *Миноною*. — *Олмаровъ* сонъ былъ продолжшпенъ и спокоенъ. Уже день давно

разпространился на поверхности земнаго шара — но вѣчная ночь царствовала въ подземныхъ пещерахъ — какъ *Олмаръ* пробудился опъ сна опъ сильнаго шума въ ближнихъ пещерахъ.

Онъ открылъ глаза , и первый его взоръ упалъ на незнакомаго челоуѣка , который сидѣлъ подлѣ него , и казалось, охранялъ его во время сна. — Незнакомецъ казался бытъ около пятидесяти лѣтъ: его видъ былъ величественъ и благороденъ ; изъ его взоровъ сіялъ пламень , покоряющій ему сердца всѣхъ ; но слѣды несчастія и горести примѣтны были на его кропкомъ челѣ , на которомъ однакожъ изображалось нѣчто столь дружественное и пріятное , что съ перваго взгляда на него внушало къ нему довѣренность.

Олмаръ разсмапривалъ его любопытными взорами. „Привѣтсвую тебя радостно,“ сказалъ ему незнакомый послѣ нѣкотораго молчанія съ дру-

жескимъ , влагающимъ довѣренность
взоромъ , и нѣжнымъ пожапіемъ ру-
ки „Ты долго наслаждался сномъ ,
и желаю , чтобъ онъ былъ для тебя
цѣлишенъ.“

„Я чувствую его цѣлишельную
силу , опвѣчалъ *Олмаръ* , и да будешь
пробужденіе мое также пріятно ,
какъ и сонъ мой !“

„Если сонъ твой предвѣщаетъ
тебѣ радость и спокойствіе , то онъ
скоро исполнится въ самомъ дѣлѣ ,
сказалъ незнакомый .

Олмаръ . Развѣ въ сихъ подзе-
мельяхъ ужаса и мрака обитаетъ и
радость ?

Незнакомецъ . Она низпусти-
лась въ нихъ съ побоемъ .

Олмаръ . Я не понимаю этого —
скажи мнѣ , гдѣ я ?

Незнакомецъ . Ты находишься въ
подземельяхъ горы Хиллы .

Олмаръ . Въ подземельѣ Хил-
лы , гдѣ владычествуетъ ужасный
Улло ?

Незнакомецъ. Развѣ ты спрашишься его?

Олмаръ. О, нѣтъ! онъ мой другъ, мой благодѣтель, и я не спрашусь ничего болѣе, еслили нахожусь подъ его защищою.

Незнакомецъ. Теперь ты подъ моей защищою.

Олмаръ. Кто ты?

Незнакомецъ. Твой другъ, котораго первѣйшій долгъ есть примирить тебя съ твоимъ неблагопріятнымъ жребіемъ.

Олмаръ. И ты надѣешься успѣшь въ эпомъ?

Незнакомецъ. Не сомнѣвайся, юноша; власпъ всемогущаго *Уллы*, соединенная съ моею, можетъ невозможное сдѣлать возможнымъ!

Смѣшанные звуки многихъ голосовъ снова раздались въ находящейся подлѣ нихъ пещерѣ, освѣщенной блестящимъ свѣпомъ.

Олмаръ увидѣлъ многія человѣческія фигуры въ ея опдаленности,

которыя привлекли на себя его вниманіе.

„Кто эти люди?“ спросилъ *Олмаръ*. „Нещасные, подобные мнѣ, которыхъ непріязненный рокъ изгналъ изъ сообщества людей, и которые поклялись вмѣстѣ со мною презирать нещасія. Послѣдуй за мною къ нимъ и не спрашись ихъ дикости: они любятъ тебя, и были всѣ участниками, съ помощію которыхъ *Улло* избавилъ тебя отъ гибели, тебѣ угрожавшей; не опасайся ихъ, я твой защитникъ, и смопрю на тебя взорами опеческой любви.“

Незнакомый взялъ его за руку и ввелъ въ шумную пещеру, гдѣ увидѣлъ онъ множество людей дикаго и грубаго вида, собравшихся вмѣстѣ, которые при входѣ его къ нимъ приняли его съ восклицаніями шумной радости. *Олмаръ* нашель между ими большую часть спрашнаго вида, съ пылающими взорами и съ чертами необузданныхъ спраспей,

живо изображенныхъ на ихъ лицахъ, среди которыхъ возвышался его проводникъ, какъ нѣкое высочайшее существо. *Олмаръ* не могъ при взглядѣ на сихъ людей изпробить невольнаго ужаса въ своемъ сердцѣ.

Незнакомый другъ *Опмара* велѣлъ замолчать имъ опъ шумныхъ восклицаній и накрыть споль; послѣ словъ его они умолкли и всѣ спарались исполнить его приказъ. Во время приготовления ихъ къ сполу *Олмаръ* ~~имѣлъ время разсмотрѣть~~ приспальнѣе окружающіе его предметы, и узналъ, что онъ находился въ подземельѣ, имѣвшемъ множество ходовъ и убранномъ со вкусомъ: спѣны утесовъ покрыты были дорогими обоями, и ничто не давало замѣпить *Олмару*, что онъ находился въ пещерѣ ужасной горы *Хиллы*. Кромѣ недоспалка окошекъ, вмѣсто копелыхъ расставлены были большія зеркала, и высокихъ горныхъ сводовъ въ пещерѣ, образованные рукою *Природы*,

коихъ твердые границы не регулярно означали ея куполь ; посреда пещеры висѣла на сводѣ хрустальная блестящая люстра , и на ней , равно какъ и на жирандоляхъ вокругъ зеркальныхъ оконъ и на стѣнныхъ подсвѣчникахъ въ пещерѣ , горѣло множество восковыхъ свѣчь , копорыя разливали въ ней ослѣпляющій блескъ .

Въ короткое время пригото- вленъ былъ вкусный , изобильный столъ , за копорымъ занялъ всѣмъ изъ собранія свое мѣсто , и *Олмаръ* помѣстился подлѣ своего пушеводи- теля . Въ шуткахъ и опкровенныхъ разговорахъ , во время копорыхъ по- калы были проворно опораживаемы , *Олмаръ* забылъ скоро подлѣ своего незнакомаго друга и въ его пріят- номъ обхожденіи , что онъ находил- ся въ обществѣ такихъ людей , ко- порыхъ наружность при первомъ взглядѣ не имѣла для него ничего привлекашельнаго и пріятнаго , и

возбудила напрошивъ въ его душѣ къ нимъ опвращеніе и ^т пайный ужась.

Разговоры *Олмара* съ его незнакомымъ хозяиномъ скоро дали ему почувствовашь, что сей неизвѣстный зналь его, и многія обспояшельспва его жизни въ молодыхъ лѣпахъ лучше, нежели онъ самъ, и что сей принималъ живѣйшее участіе въ его судьбѣ. Ихъ разговоръ возбудиль любопытство въ *Олмарѣ* узнать нѣкоторыя причины; но сей опказаль ему въ помъ, увѣряя, что въ коропкомъ времени все ему опкроешь и что шеперь еще не наступила минута этого опкрышя.

Онъ опклониль разговоръ на связь *Олмара* съ *Миноюю* и *Гиральдомъ*, о копоромъ разсказаль онъ ему многое въ разсужденіи его опношенія къ *Росвику* и къ нему, что показало *Олмару* *Гиральдо* какъ подлаго злодѣя прошивъ него и его благодѣтеля.

„*Росвикъ* пишаесть въ эпомъ *Гиральдъ* ядовитаго змѣя на груди своей, копорый жадесть его крови и умершвилъ бы шебя и его, еспьлибъ нѣкопорая невидимая, всемогущая власпъ васъ не защищала, сказалъ незнакомый.

Олмаръ. Развѣ *Росвикъ* не благодарѣшель *Гиральда*, копорый опеческою рукою изъ праха ничшожесства возвысилъ его къ почести и радоспной жизни, копорый его и его опца осыпаль благодарѣнїями? и не уже ли *Гиральдо* можесть бышь сполько зобенъ, что все эшо.

Незнакомецъ. Чувспва благодарности чужды сердцеъ сихъ двухъ злодѣевъ, и никогда злобный, мспитнельный *Рино* не позабудесть, что *Росвикъ* низвергъ его въ прахъ ничшожности и презрѣнїя, изъ котораго ищепъ онъ теперь возвыситъ опяшь своего презрѣнїя досшойнаго *Гиральдо*.

Олмаръ. Какъ? — *Росвикъ* низвергъ *Рино* въ прахъ ничтожества?

Незнакомецъ. Да — и въ эпосѣ-то лежишь ключъ ко всему тому, что до сего казалось тебѣ непонятнымъ. Съ давнихъ временъ сѣмя злобы и мщенія посѣялось между сихъ двухъ фамилій, и каждая съ жаромъ искала гибели другой, чтобы на развалинахъ ея славы умножить свое щастіе и торжествовать свою побѣду. — *Рино* сдѣлался жертвою сего взаимнаго мщенія; осрамленъ, униженъ, въ презрѣніи и бѣдности скрылся онъ въ уединеніи, и тамъ трудился надъ планами ужаснѣйшаго отмщенія *Росвику*. Все, что *Рино* предъ симъ ни дѣлалъ, имѣло предметомъ мщеніе; его дружба, его привязанность къ *Росвику* и раскаяніе, съ копорымъ онъ подалъ ему руку въ залогъ примиренія, было ничто иное, какъ притворство, чтобы подъ его маскою скорѣе до-

спичь до цѣли своихъ мспишельныхъ предпріятій.

Олмаръ. Какъ же онъ, лишая такую ненависть, могъ опдашь своего единспвеннаго сына *Росвику*?

Незнакомецъ. Развѣ не понимаешь ты, что эпо-шо самое подкрѣпило надежиѣ его злобный планъ ко мщенію? — Давно уже изощренъ убійспвенный кинжалъ, копорый извергъ *Гиральдо* долженъ вонзись въ сердце своего благодѣшеля, по приказанію своего опца, еспьлибъ власть всемогущаго *Уллы*, горнаго Барда, и ужасные духи *Хиллы* не успрашали злобнаго *Рино*, копорые нарушають его спокойспвіе своими ужасами. Осперегайся, *Олмаръ!* и ты также предметъ злобнаго мщенія *Рино* и *Гиральда* — вспомни пошь случай въ лѣсу близъ лагеря швоего: пуля, копорая лешѣла прошивъ шебя изъ кустарниковъ, была направлена рукою *Гиральда* — и *Улло* былъ

попъ , который избавилъ тебя отъ смерти , и низвергъ сего злодѣя .

Олмаръ . Неслыханный , подлый измѣнникъ !

Незнакомецъ . Ты ! о п в с ю д у окруженъ его сѣпями , всюду скишающся его подлые сообщники , чшобъ сыскашь тебя и принесшь въ жершву своему мщению , и что послѣднее нападеніе на тебя въ лѣсу шочно былъ его умысель — о томъ ты сей же часъ увѣришься .

Въ сихъ разговорахъ споль окончился и по мановенію незнакомца былъ убранъ . Онъ приказалъ попомъ привесшь невольниковъ . Чрезъ нѣсколько минушь посланные привели въ пещеру нѣсколько человекъ , обремененныхъ оковами . — Сколь велико было удивленіе *Олмара* , когда между ими узналъ онъ одного изъ своихъ слугъ , котораго предъ симъ недавно взялъ къ себѣ .

„Это попъ , сказалъ незнакомый который предалъ тебя *Ги-*

ральду, и чья измѣнническая рука ранила себя и повергла безчувственно на землю во время сраженія.“

Олмарь съ ужасомъ опступилъ опъ него; — съ препеномъ повергся виновной предъ нимъ на колѣни, и просилъ пощады у него. „Нѣтъ ее для васъ! вскричалъ ужасно незнакомецъ; швой спрашный часъ наступилъ, одно чистосердечное разкаянiе можешъ уменьшить швое наказанiе.“

Преспупникъ признался, что онъ былъ подкупленъ опъ *Гиральда* убишъ *Олмара*, и рассказалъ имъ всѣ преспупленiя и намѣренiя *Гиральда*, при которыхъ *Олмарь* препеналъ опъ ужаса, и которыхъ открыли ему въ немъ хитраго и презрительнаго злодѣя. Подшверженiя другихъ невольниковъ совершенно согласовались съ его словами, и *Олмарь* не могъ долѣ сомнѣваться, что онъ и *Росвикъ* давно бы сдѣлались жертвою злобы и мщенiя *Гиральда* и *Рино*, естлибъ не защищала ихъ рука все-

могущаго *Уллы* и сего дружественнаго незнакомца.

Въ большомъ кругу спояли жилиши горныхъ пещеръ, погружены въ мрачное молчаніе, опершись на свое оружіе, посреди коего находились невольники; пламенные ихъ взоры успремлены были на сихъ послѣднихъ; ужасный гнѣвъ ихъ, казалось, гошовъ былъ излишся. Съ препенговъ взиралъ *Олмаръ* вокругъ себя на своихъ ужасныхъ защитниковъ, и съ шайнымъ спрахомъ ожидалъ того, что обѣщали ихъ мрачныя черпы.

Незнакомый взялъ съ искренностію *Олмара* за руку: „Что теперь должно происходить, сказалъ онъ ему, того не долженъ быть ты свидѣтелемъ. — Слѣдуй за мною.“ — „Пощади насъ! возопили невольники, спаси насъ изъ рукъ сихъ ужасныхъ людей!“ Но незнакомецъ, не дожидаясь отвѣта, увлекъ за собою *Олмара*, и узкимъ подземельнымъ ходомъ привелъ онъ его къ одной запершой пещерѣ, копо-

рую онъ опперъ, и введши его туда, самъ вышелъ и заперъ за собою дверь.

Олмаръ увидѣлъ шеперь, что онъ находился въ свѣщенной чернымъ сукномъ пещерѣ, копорая освѣщалась лампадою, висящею посрединѣ ея на сводѣ; у задней ея стѣны возвышалось мраморное надгробіе, а на другихъ стѣнахъ были повѣшены многіе фамильныя портреты, между копорыми одно изображение женщины привлекло на себя его вниманіе. Черты лица ея казались ему бытъ нѣсколько знакомы, и какъ будто сквозь сна онъ вспоминалъ, что видалъ ихъ нѣкогда.

Погруженный въ мрачное воспоминаніе прошедшаго, сѣлъ *Олмаръ* на ступенькѣ надгробія, и шихая скорбь овладѣла его душею; его сердце предалось горести, и онъ протеръ тусклый взоръ въ мрачность будущаго своей жизни, въ копорой настоящее столько было для него бѣдственно. Тишина, копорая согласовалась съ

еѣ ужасной пещерой смерти, цар̄спво-
вала вокругъ *Олмара* и питала его
гореспѣ.

Душа *Олмара* была исполнена
Миноюю ; онѣ видѣлъ себя разлучен-
нымъ съ ней навѣки , и мученія без-
надежной любви умножали его пе-
чаль. Въ глухихъ тонахъ раздава-
лись тяжкіе его воздохи среди мрач-
ныхъ сводовъ черной пещеры, и
щелмно взоры его спарались про-
никнуть таинство будущности,
чтобѣ найти утѣшеніе своей го-
респи, какъ вдругъ проникли сладо-
стные, плѣнительные звуки въ его
уединеніе, и онѣ ясно услышалъ сіи
слова, сопровождаемая пріятностію
Улловой заплоспрунной арфы :

Доколѣ дружество святое
Тебя хранишь, не унывай :
Вѣ его объятіяхъ все злое
Изчезнетъ какъ въ прелестный Май,
Предѣ солнцемъ лучи исчезающѣ. —

Сии спасительные звуки излились въ сердцѣ *Олмара* и воскресили въ немъ надежду мирныхъ дней. — „Улло! вскричалъ онъ, мой благодѣтельный другъ! ты присушествуешь и здѣсь невидимо надо мною, чпобъ излишь утѣшеніе въ мою спраждующую душу! О! явись мнѣ, чпобъ я могъ мое опчаянное сердце облегчить на груди твоей!“

Шумъ у желѣзныхъ дверей пещеры прервалъ его, и незнакомецъ вошелъ къ нему.

XVII,

„Я исполнилъ, что пребоваъ отъ меня чинъ судіи и мспшителя, сказалъ незнакомецъ *Олмару* — мой долгъ исполненъ, преступники судили преступниковъ; но Небеса освяпили приговоръ ихъ; злодѣевъ уже нѣтъ болѣе, десница мщенія носится надъ *Рино* и *Гиральдомъ*; скоро низвергнешь она и сихъ изверговъ въ прахъ смертнаго ничпожества.“

Олмаръ. Ты ужасный судія ищенія; но позволь мнѣ узнатьъ тебя короче: скажи мнѣ, кто ты, и какой твой промыслъ?

Незнакомецъ. Развѣ не ясно говоришь тебѣ объ этомъ мое жилище, и люди, меня окружающіе, которые зависятъ отъ моей воли?

Олмаръ. Я едва могу повѣрить раждающимся отъ того мыслямъ въ моей душѣ: твоя наружность общается въ тебѣ больше, нежели обыкновеннаго человѣка. Скажи, какъ ты соединился съ этими людьми?

Незнакомецъ. Мой злобный рокъ ввелъ меня въ сообщество сихъ людей. О юноша! ты называешь себя несчастнымъ; но еслибъ ты зналъ, какъ ужасно спрдалъ я подъ тяжкою рукою злой судьбы; какъ я съ сердцемъ, исполненнымъ любви къ людямъ, воспламененный единственнѣе желаніемъ ихъ блага, невинно былъ оклеветанъ злодѣемъ, покрытъ стыдомъ и безчестіемъ, опшоргнутъ отъ мо-

ихъ дѣшей, лишень моего имѣнія, былъ преданъ въ жертву бѣдспвій и опчаянія! тогда бѣ научился познавашь ты, что естъ истинное нещаспіе.

Олмаръ. Нещаспный! такъ, свидѣтельствуюсь небесами, ты нещаспенъ! Безконечно ужасно, ты долженъ былъ спрадашь, что могъ рѣшишься наконецъ всупить въ горныя пещеры, въ кругъ тѣхъ людей, копорые, кажется, поклялись людямъ въ вѣчной ненависти.

Незнакомецъ. Эпи люди приняли меня и подали мнѣ помощь тогда, какъ уже цѣлый міръ меня оставилъ; безъ нихъ я бы погибъ въ опчаяніи; и подѣ сими ужасными чертами найдешь ты сердца, къ копорымъ бы сердце твое привязалось съ горячностію — но довольно объ эпомъ. Твое пребываніе будешь у меня не долго, и мы имѣемъ еще много говоришь съ побою о другихъ предметахъ, копорые для тебя интереснѣе. — Твое сердце спраждешь подѣ

бременемъ горести и плѣшетъ въ мученіяхъ безнадежной любви; но ободрись! — щаспіе улыбається уже не вдалекѣ опъ шебя; — ты не всегда будешь несчастень — имѣй довѣренность ко миѣ! Клянусь шебѣ Небесами, я имѣю на нее священнѣйшія права, и открою шебѣ путь къ швоему благополучію.

Олмаръ. Можешь ли надежда сія пипашъ мое сердце, покуда непоспужимая для меня ненависть *Росвика* будешь обременяшъ мое сердце, и похищашъ опъ меня по, въ чемъ я чувствовалъ цѣну моей жизни, мою *Минону*?

Незнакомецъ. Ненависть *Росвикова* исчезнешъ и онъ самъ возвратишъ дочь свою въ швои объятія.

Олмаръ. О, есплибъ я смѣлъ пипашъ сію сладостную надежду!

Незнакомецъ. Можешь съ полною довѣренностію. Я скажу одно

слово, и всякое сомнѣніе объ эпомѣ исчезнетъ изъ твоего сердца.

Олмаръ. Такъ скажи его — и возврати спокойствіе моему сердцу, котораго давно уже я лишился.

Незнакомецъ. Такъ, сынъ мой! я разсѣю мракъ, сокрывавшій тайнства, давно погребенныя здѣсь, среди сихъ ужасныхъ пещеръ, и это мѣсто, священное для моей горести, избрано для изъясненія ихъ тебѣ; но да будешь тебѣ по, что ты теперь узнаешь, столь же драгоценно, какъ и жизнь твоя, и никогда малѣйшій даже звукъ опомъ да не излетишь изъ устъ твоихъ — клянись мнѣ торжественно въ непрерывномъ молчаніи.

Олмаръ. Клянусь, и Небеса да поразятъ меня, еслии я когда-либо нарушу клятву моего вѣчнаго молчанія!

Незнакомецъ. Взгляни, Олмаръ! ты находишься въ мѣстѣ, гдѣ души ихъ, которые драгоценнѣе всего

для тебя, носящая надъ побѣдою ;
взгляни на это изображеніе женщи-
ны, и дай ея успрямленному на тебя
прекрасному взору излишь упѣшеніе,
и сладостную, оживленную надежду
въ швое сердце.

Олмаръ. Это изображеніе? —
Темное, неизвѣстное чувство влекло
непреодолимо къ нему мое сердце при
первомъ на него взорѣ, и черты его
кажутся не совсѣмъ мнѣ неизвѣстны.

Незнакомецъ. Ты чувствуешь,
не зная его, власть всецѣльной сим-
патіи; — преклони колѣна швои, *Ол-
маръ*, надъ симъ надгробіемъ, сокры-
вающимъ священные оспатки эпош
умершей; — ея духъ невидимо излу-
чаетъ благословенія свои на главу
швою, — *Олмаръ!* преклони колѣна
швои предъ прахомъ швоей матери!

Олмаръ. Моей матери? — Вели-
кій Боже!

Онъ повергся въ сильномъ дви-
женіи предъ нагробіемъ, и съ свя-
щеннымъ содроганіемъ приносилъ

жертву сердечнаго, неизъяснимаго чувства пѣни его любезной матери; подлѣ его споялъ незнакомецъ, съ исполненными сердечныхъ чувствъ взорами, смопрѣлъ на юношу, не прерывая долгаго и краснорѣчиваго молчанія.

Незнакомый поднялъ наконецъ *Олмара*, и торжественно въ высочайшемъ изліаніи чувствъ заключилъ его въ свои объятія. *Олмаръ*, какъ бы пробудясь отъ глубокаго сна, лежалъ въ его объятіяхъ, и наполненный слезами взоръ его, устремился на портретъ. О родительница моя! — вскричалъ онъ — въ изображеніи своемъ я только научился знать себя; никогда не наслаждался я блаженствомъ объятій твоихъ; никогда милое, сладостное имя сына не ласкало меня; исполненное благодарности и безконечной любви спремился къ тебѣ мое сердце. Но все еще для меня не понятно, мои мысли разспроены, и я не могу про-

никнуть тайну — здѣсь, въ горныхъ пещерахъ, покоишься прахъ моей матери!! —

Незнакомецъ. Да! — здѣсь покоишься онъ въ невозмущаемой ни чѣмъ тишинѣ, ожидая великаго дня вѣчной награды.

Олмаръ. Почему же здѣсь, въ сихъ подземныхъ убожищахъ, въ опдаленіи оныя гробовъ предковъ своихъ?

Незнакомецъ. И въ глубинѣ подземнаго свѣта присушествуетъ духъ Всесоздавшаго, Котораго всемогущее дуновение оживитъ некогда и эту плѣнь. — Твоя мать была несчастная женщина, и прекраснѣйшая минута въ ея жизни была та, въ которую Гений смерти пролетѣлъ надъ нею! Но прочь печальныя воспоминанія! — пламенные слезы, которыя падаютъ изъ глазъ моихъ, будутъ послѣднія. — Крильда живетъ теперь въ предѣлахъ лучшаго міра, гдѣ бессмертныя радости награждаютъ тихую ея добродѣтель, и пор-

жественно носится надъ нами кроп-
кій духъ ея въ сіи священныя ми-
нушы!

Олмаръ. Глубокая чувствитель-
ность и то движеніе, которое я въ
тебѣ вижу, говоряшь мнѣ, что ты
берешь великое участіе въ смерти
моей матери.

Незнакомецъ. Величайшее, ис-
креннѣйшее, какое только можешь
ты чувствовать! (онъ поднимаетъ
занавѣсъ на одномъ портретѣ)
Взгляни на этого портрета. —

Олмаръ. (смотря то на пор-
трета, то на Незнакомца, дро-
жащимъ голосомъ) Кто это?

Незнакомецъ. Его печальный
взоръ говоритъ тебѣ, что это не-
щастный супругъ твоей матери.

Олмаръ. Милосердый Боже! —
портрета совершенно сходенъ съ
тобою, если мои предчувствія спра-
ведливы! —

Незнакомецъ. (*заключая его въ свои объятія*) Справедливы — я отецъ твой! —

„Великій Боже!“ — вскричала *Олмаръ* въ величайшемъ изступленіи радости, и упала въ его объятія. Какъ въ сладкомъ снѣ погруженный лежалъ онъ въ объятіяхъ своего отца; его мысли исчезали въ сладостномъ очарованіи; долго не могъ онъ собрать своихъ развлеченныхъ чувствъ, чшобъ увѣришься, что все это было истинна, а не игра разгоряченной его фанпазіи; — пламенное объятіе соединило отца съ сыномъ — и высокое блаженство равняло ихъ жишелямъ небеснымъ.

„О родитель мой! сказала наконецъ тихо *Олмаръ*, не сонъ ли обманываешь меня? — и истинна ли это? —

Отецъ. Истинна — щасливая истинна, сынъ мой! —

Олмаръ. Но какъ понимаешь мнѣ это? — *Бруно?*

Отець. Не былъ опцемъ швоимъ: онъ только воспиталъ шебя; но сбри разсѣянные швои мысли, мой сынъ! и все для шебя будетъ ясно. — Мнѣ еще много надобно говоришь съ побою, и всѣ минушы наши намъ драгоцѣнны. — Не много часовъ еще могу я бытъ съ побою, а послѣ мы должны разспаться.

Отмаръ. Какъ? — Бапюшка! мы едва увидѣлись, и опяшь должны разспаться? —

Отець. Это необходимо, любезный *Отмаръ*!

Отмаръ. Кто насъ можетъ принудить къ этому? —

Отець. Мой жребій и спрашные духи, обипающіе въ здѣшнихъ скалахъ.

Отмаръ. Какую связь имѣете вы съ этими духами?

Отець. Оспавъ этошь разговоръ шеперь: эти спрашилица имѣють на мою жизнь и мою судьбу много вліянія. Когда ночь просшираетъ

мрачныя крылья свои, и одѣваетъ темною вершины горъ; когда здѣшніе духи начинаютъ разпространять ужасы въ здѣшнихъ горахъ и лѣсахъ, тогда отецъ твой не можешь долѣе оспаваться съ побою; — тогда долженъ я слѣдовать, куда призываетъ меня ужасный долгъ мой! —

Олмаръ. Нещасный родитель! —

Отецъ. Теперь я чувствую только въ полозину мое нещасіе, когда сынъ мой въ моихъ объятіяхъ — и надежда обѣщаетъ мнѣ щасіе. — Мой сынъ! теперь никто не возмутитъ нашего разговора; всѣ обитавшіе погружены теперь въ глубокий сонъ, и никто не можешь услышать насъ.

Олмаръ. Развѣ ночь такъ уже близка?

Отецъ. Нѣтъ! — на поверхности земнаго шара едва теперь прошелъ полдень; но желѣзная рука судьбы, соединившая въ эпоху подземельѣ

общество людей превратила для нихъ день въ ночь и ночь въ день. — Когда въ свѣтѣ всѣ люди засыпають глубокимъ сномъ, тогда исчезаетъ здѣсь его владычество, и все приходитъ въ движеніе.

Олмаръ. Праведный Боже! въ какое общество завела васъ ваша неприязненная судьба!

Олець. Не безпокойся объ этомъ, сынъ мой! и слушай съ прилѣжаніемъ то, о чемъ я буду тебѣ говорить.

Олмаръ. Извольте.

Олець. И такъ знай, сынъ мой! что нѣкогда былъ и я почтенный и знапный Вельможа. Уваженіе народа и Монарха, любовь вѣрной и нѣжной супруги, дружба знапныхъ и честныхъ людей соспавляли мое счастье, и превращали для меня землю въ обители небесныя; дни моей жизни, не возмущаемые чувствами печали и горестей, пролетали въ тишинѣ и радости; имя *Росвина* было первое въ моемъ сердцѣ между всѣхъ мо-

ихъ друзей ; мы любили другъ друга какъ братья ; но мои блестящія почести и достоинства навлекли на мнѣ множество непріятелей , копорымъ моя дѣятельность была препятственна къ исполненію ихъ честолюбивыхъ и высокихъ замысловъ . Они втайнѣ разставили ихъ гнусныя сѣпи , и употребили всѣ силы хитрости и злобы погубить меня . Злодѣямъ удалось наконецъ дѣла мои и меня сдѣлать подозрительными у Монарха и *Росвика* , и наполнивъ сомнѣніемъ сердца прочихъ друзей моихъ , отдали ихъ опъ меня . Ложный видъ пресупленій моихъ сдѣланъ былъ такъ искусно , что оправдаться опъ него было невозможно ; я былъ запутанъ въ сѣпи ихъ дьявольской злобы , и не могъ никакъ изъ оныхъ освободиться , и прежде , нежели я могъ узнать все подробно , увидѣлъ себя оставленнымъ моими друзьями , на помощь копорыхъ я полагался , и преданъ въ жертву моимъ врагамъ . —

И чего я не ожидалъ никогда: *Росвикъ*, другъ и браць мой, былъ первый, который начальствуя злодѣями моими, низвергъ меня въ бездну нещасія.

Олмаръ. Ужасно! — и *Росвикъ* сдѣлалъ это съ его великодушіемъ, съ его благородствомъ? —

Олець. Призраки злодѣйствъ были слишкомъ обманчивы. Не многіе изъ друзей моихъ оспались мнѣ вѣрными; но они бессильны были противу множества моихъ непріятелей, и одно скорое бѣгство могло еще спасти меня. — Обремененный стыдомъ и поношеніемъ, очерненъ именемъ преступника, долженъ былъ я бѣжать; моя любезная супруга послѣдовала за мною съ двумя младенцами, залогомъ любви нашей. — Мое нещасіе возраспало и умножалось съ каждымъ днемъ и довело меня до отчаянія! По долгомъ странствованіи въ лѣсахъ и пущыняхъ, судьба моя привела наконецъ нещаснаго къ симъ людямъ, среди кошорыхъ

самъ ты меня видѣлъ. — Они встрѣ-
пили меня съ искренностію, и пред-
ложили мнѣ помощь свою и мѣсто
между ими. Мои чувства прошиви-
лись соединенію моему съ ними;
но мнѣ не оставалось больше ника-
кого выбора. — Свѣтъ изгналъ меня;
я былъ обезчещенъ въ мемъ, и за мою
голову обѣщана была награда, ко-
торая и могла бытъ легко добычею
всякаго бездѣльника, которыми я былъ
окруженъ опвсюду: — опчаянъ бро-
сился я въ объятія сихъ людей — и на-
ше несчастіе сдѣлало насъ братьями.

Олмаръ. Боже мой!   неща-
спный мой родителъ! —

Олець. Я привыкъ понемногу
къ образу жизни сихъ людей, и упо-
требивъ въ свою пользу ихъ любовь
и уваженіе, сдѣлался ихъ начальни-
комъ, и обуздавъ ихъ дикую свирѣ-
пость, производилъ дѣятельность
ихъ многіе добрыя и благородныя дѣ-
ла, хоща средства, которыя я упо-
треблялъ для сего, и не были благо-

родны. Все мое попеченіе обращалось на себя и на младшую свою сестру; не возможно было мнѣ оставить васъ при себѣ въ сообществѣ дикихъ и грубыхъ людей, гдѣ всякое добродѣтельное чувство легко могло испребишься изъ вашего сердца при самомъ своемъ началѣ, видя безпрестанно спраски порока, — и эта необходимость заставила меня разлучиться съ вами, и вручить воспитаніе ваше изысканнымъ мною благороднымъ и добродѣтельнымъ людямъ, для образованія вашихъ сердець.

Олмаръ. Теперь я начинаю понимать шайну.

Олець. Въ разсужденіи себя выборъ мой палъ на *Бруно*; онъ былъ другомъ мнѣ въ дни моего щастія; — я зналъ въ немъ благороднаго и добродѣтельнаго чловѣка, и былъ увѣренъ, что не могу найти лучшаго воспитателя для себя, который бы могъ образоваць свое сердце; — я нашелъ его, и не бывъ имъ узнавъ,

довелъ его до того, что онъ взялъ себя у меня вмѣсто сына, и поклялся мнѣ не открывать никому, что ты не настоящій сынъ его, а приемышъ. — Я обѣщала ему послѣ открытъ пайну рожденія своего, и потомъ, будучи принужденъ открытъ ее ему, взялъ съ него клятву въ томъ, что смерть только одна можетъ ее извлечь изъ его сердца.

Олмаръ. Для чего жь это, батюшка?

Отецъ. Мое имя было обременено стыдомъ и проклятиемъ. Какъ я могъ сказать о себѣ сему *Бруно*, человеку спроному, справедливому и добродѣтельному? — Мои вымышленныя злодѣянія преврапили бы его дружбу въ ненависть ко мнѣ и презрѣнiе, и сіи чувства похипили бы у тебя любовь его, естли бы ранѣ открылъ свое происхожденіе, а между тѣмъ случились еще такія произшествія, которыя должны были несравненно умножить ко мнѣ зло-

бу *Бруно*, и которыя можетъ быть вооружили бы его самаго ко мщению противъ меня, еспьлибъ я ему открылся.

Олмаръ. Что услышу я еще? —

Отець. Дьявольская злоба нѣкоторыхъ людей достигла наконецъ своей цѣли. Одинъ извергъ, не имѣющій себѣ подобныхъ, во время *Росвика* опсуспствія упопрѣбивъ это въ свою пользу съ помощію своихъ сообщниковъ, похитилъ у него его сына *Эдгарда*. Посланные искать его, нашли въ лѣсу одно окровавленное плашьє младенца, какъ ясное доказательство совершеннаго убійства, и при немъ еще письмо, которое называло меня убійцею, произведшимъ это ужасное дѣло изъ опмщенія *Росвику* гоненій, которыя я прешерпѣлъ отъ него — *Росвикъ* былъ обманутъ, и его горестъ о потерѣ сына превратилась наконецъ въ отчаяніе, когда вскорѣ за потерю сына послѣдовала другая: его су-

пруга, сраженная горестію о погибелі милаго сына, сдѣлалась жертвою смерпи, и его ненависть ко мнѣ превратилась въ бѣшенство. —

Олмарь. О! неслыханное злодѣйство! кто произвелъ его? —

Олець Рино. Этошь ужасный злодѣй произвелъ все сіе изъ своей адской злобы и мщенія *Росвику*, и возложилъ всю вину свою на невиннаго опца своего. Вспайнѣ радовался онъ исполненію своего успѣха, копорый уполялъ его мщеніе подъ маскою раскаянія и дружбы; подаль онъ руку примиренія *Росвику*, копорый съ радостію принялъ предложеніе, обмануть наружностію бездѣльника, и взялъ его сына *Гиральдо* къ себѣ, какъ залогъ вновь заключеннаго ихъ союза дружбы; вмѣсто собственнаго сына, не воображая, что злобный *Рино* искалъ шѣмъ погубить его.

Олмарь. Чшожь препяпспвуешъ намъ увѣдомишь о семъ *Росвика*? —

Олець. Долгъ нашъ. — Онъ будеть извѣщенъ о всемъ, но такимъ образомъ, который совершенно будеть соопвѣпспвовать моимъ намѣреніямъ. — *Росвикъ* долженъ увидѣть все собспвенными глазами, еспли надобно будеть увѣришь его въ испинѣ; — оспавь мнѣ исполненіе сего, и выслушай то, что я опкрою тебѣ еще объ эпихъ злодѣяхъ. — *Риновъ* намѣренія проспираются къ тому, чтобъ низвергнуть *Росвика* съ перешняго его величія и знапности, присвоить его богатство и владѣнія, и изпребить его совершенно; *Миона* должна помочь ему произесть въ дѣйство это намѣреніе. — *Рино* опредѣлилъ ее для своего сына; но сопропивленія *Мионы*, и швердая рѣшительность *Росвика* не принуждають свою дочь къ выбору себѣ супруга, воспламенили еще болѣе необузданныя спраспи *Гиральда* къ *Мионѣ*, и съ каждымъ днемъ умножается опасность *Росвика* и его дочери. —

Олмаръ. И я долженъ спокойно
емотрѣть на это?

Олець. Конечно; пребуду опъ
тебя непремѣнно, чшобъ ты ни чрезъ
какую поспѣшность не разрушилъ
моихъ плановъ. Слушай далѣе:
весь планъ мщенія *Рино* заключенъ
въ шайнѣ, которую скрываетъ онъ
прилѣжно опъ всѣхъ людей, и коль
скоро достигнутъ намѣренія его
своей цѣли, тогда *Росвикъ* долженъ
узнать опъ него самаго, что всѣ
бѣдствія, до того времени его по-
ражавшія, были слѣдствіе его мще-
нія; тогда хочеть онъ съ порже-
ствующею улыбкою приступитъ къ
нему, наслаждаясь его мученіями,
и попомъ въ глубочайшихъ пемни-
цахъ своего Замка долженъ *Росвикъ*
оплакивать до конца жизни своей
ослѣпленіе: — таковъ планъ *Рино*! —

Олмаръ. Праведный Боже! это
больше, нежели адская злоба. Но
я дивлюсь, бапюшка, что вамъ все
такъ извѣстно, какъ будто вы сами

участникъ и повѣренный этого изверга.

Олець. Улло, горный Бардь и его невидимая власць со мною; онъ также и Геній хранипель, копорый присущствувешъ и надъ *Росвиномъ*; и для того будь покоенъ, и не опваживайся болѣе всего что-нибудь сдѣлать, слѣдуя своей опромеччивоспи, копорая легко можешъ навлечь на себя гнѣвъ его. — Опасность для *Росвика*, *Минонь* и тебя возрастаетъ теперь каждую минушу; но она служишь только къ скорѣйшему и ужаснѣйшему паденію *Рино* и *Гиральда*. День мщенія и награды приближается, и поразитъ пресшупниковъ въ тѣ самыя минушы, когда они будутъ торжествовать близкое исполненіе своего злодѣйства. —

Олмарь. Но естли что-нибудь воспрепятствувешъ вамъ, и *Рино* доестигнешъ исполненія злодѣйскихъ своихъ намѣреній? . . —

Отецъ. Это не возможно ему: каждый шагъ его наблюдаемъ взорами, копорыхъ обмануть онъ не въ силахъ. Уже давно злодѣй чрезъ различныя явленія и безпокойства возмущенъ изъ своей безпечности и увѣренъ съ ужасомъ, что нѣкопорая шайная власть преляпсствуешь ему исполнять его намѣреніе. Онъ препещеть, опасаясь видѣть разрушенными всѣ свои предпріяшя, и съ неперпѣливостію ожидаетъ возвращенія сына своего *Гиральда*, копораго послалъ онъ за особенно важнымъ дѣломъ, чпобъ увѣнчать исполненіемъ злодѣйскіе свои успѣхи; и еспьли извѣстія, копорыя принесеть ему *Гиральдо*, не будутъ сходны съ его намѣреніемъ, тогда швоя и *Росвинова* смерть должна обезопаситъ его опъ опкрышя его пресупленій.

Олмаръ. Ужасно! — Позвольте, бащюшка! поспѣшите мнѣ къ симъ

злоумышленникамъ истребить ихъ.

Отець. Это не принесетъ намъ ни малѣйшей пользы, и погребетъ злобу ихъ вмѣстѣ съ нами во мракѣ вѣчной ночи. Нѣтъ! — они погибнутъ въ собственныхъ ковахъ злобы своей — и чрезъ ихъ паденіе твой оправданный отецъ снова возникнетъ, чтобы соединить тебя съ твоею любезною.

Олмаръ. Но какъ возможно это?

Отець. Повѣрь мнѣ; я имѣю въ моихъ рукахъ средства, чрезъ копоря могу легко все сіе исполнить; — но я долженъ дожидаться того часа, который снова возстановитъ честь мою, и я опять буду числѣть опъ всякаго поношенія. — Мои друзья во время моего изгнанія не были праздны; давно обращено уже вниманіе Монарха на то, что я, оклеветанный невинно, палъ жертвою моихъ враговъ. — Съ каждымъ днемъ умножаетъ

ся число моихъ друзей и защитниковъ; каждый день являюся новые свидѣтели моей невинности и стараюся оправдать меня. Моя доказательства, являющія мою невинность, почти уже въ рукахъ Монарха, и близокъ день, который несчастнаго *Волдемара* оправдаетъ и возвратитъ ему опять прежнее достоинство. — Я самъ уже не могу наслаждаться симъ счастьемъ, потому что перешнїй образъ моей жизни опчуждаетъ меня навсегда отъ общества людей но тебѣ опредѣлено вкушать плоды сіи, и твое счастье будетъ утѣшать меня въ моемъ уединенїи.

Олмаръ. Но я тогда только почту себя истинно счастливымъ, когда подлѣ васъ буду онымъ наслаждаться. О, еслибѣ моя родительница могла тогда раздѣлять наше счастье! —

Олецъ. Не желай возвращенія ея въ эпошь міръ; небесныя радости, вѣчныя, неизъясни-

мыя, награждающъ ее за то, чего она здѣсь лишилась, и щасливый день тогда только наступитъ для меня, когда Геній смерти воззоветъ меня къ моей супружѣ.

Олмаръ. Да опдалился опъ васъ эшоуъ день, чшобъ долѣе могли вы наслаждаться вновь возвратившимся къ вамъ благополучіемъ; но, бапюшка! позвольте мнѣ предложитъ вамъ одинъ вопросъ. —

Отець. Какой? —

Олмаръ. Вы говорили предъ симъ о дочери: гдѣ жъ она теперь? Или она сдѣлалась жертвою смерти? или Провидѣніе опредѣлило мнѣ вкуситъ сладость щастія найшитъ ее нѣкогда, и прижатъ къ моему сердцу мою любезную сестру?

Отець. Радуйся, *Олмаръ!* твоя сестра жива и ты скоро ее увидишь.

Олмаръ. Могу ли я ласкаться эшою надеждою?

Отець. Можешь.

Олмаръ. Почему же я долженъ былъ такъ долго лишаться щастія видѣть ее?

Олець. Обвиняй въ этомъ мою непріязненную судьбу.

Олмаръ. Гдѣ жъ сеспра моя?

Олець. Она находилась ближе къ тебѣ, нежели ты воображаешь; но это должно быть сокрыто отъ тебя до радостнаго дня моего вновь воскресающаго щастія; умѣрь свое нетерпѣніе о томъ, и не приспупай болѣе объ этомъ съ вопросами и прозъбами ко мнѣ, но ожидай спокойно и съ полною надеждою, ожидай того часа, который соединишь тебя навсегда съ своею любезною сеспрою.

Олмаръ. Не могу ли я предпринять чего, чтобы ускорить этотъ радостный день?

Олець. Ничего — своя дѣятельность испортила бы все, и разрушила бы совершенно всѣ наши леспныя надежды, и для того прошу тебя объ осторожности и спрогомъ молча-

ни. Теперь ты возвратишься обратно въ свой Замокъ, и ешьли будущее твое щасіе для тебя драгоцѣнно, то никому ничего не говори о томъ, что ты былъ здѣсь, и что ты здѣсь видѣлъ и слышалъ.

Все ожило, казалось, въ окружающіхъ пещерахъ, и шумъ, отсюда происходящій, прервалъ ихъ разговоръ.

„Мы должны распаться“ — сказалъ отецъ *Олмару*; — „но не безпокойся о томъ, наша разлука будетъ только на кароткое время, и мы скоро увидимся.“

Олмаръ. Я повинуюсь вашей волѣ, бапюшка! и надѣюсь, что день нашего радостнаго свиданія скоро наступитъ; но я хочу открытъ вамъ еще одно желаніе моего сердца.

Отець. Говори — и ешьли исполненіе его соспоитъ въ моей волѣ, то надѣйся на меня.

Олмаръ. Что можетъ быть невозможнымъ власпи того горнаго

Барда, который соединенъ союзомъ съ вами? — И такъ выслушайте, бапюшка! мое желаніе: — Разлука съ моею любезной Миноной для меня несносна — я не могу безъ нее наслаждаться жизнью, и съ радостию отважусь на все, чшобъ видѣть ее на нѣсколько минушь — и услышатъ изъ милыхъ устъ ея, что я любимъ еще ею. Бапюшка! помогите мнѣ исполнить это желаніе спрасшнаго сердца.

Отець. (послѣ нѣкотораго размышленія) Хорошо! — швое желаніе будетъ исполнено, и ты увидишь Минону.

Олмарь. (съ неописанною радостию) Я увижу ее? — Вы примите напередъ мою пламенную благодарносшь, бапюшка! Когда, и какъ увижу я ее? —

Отець. По времени еще не много дней, и ожидай спокойно въ швоемъ Замкѣ человѣка, который принесетъ къ тебѣ эшопъ маленьком

медальонъ, заключающій въ себѣ пор-
 прещъ швоей сеспры; ему можешь
 ты повѣришь себя безъ опасенія,
 онъ приведетъ тебя къ *Минонѣ*.
 Но теперь время мнѣ съ тобою раз-
 спашься — мой долгъ призываетъ
 меня — прости и будь благополученъ.“
 Послѣ долгаго пламеннаго объяснiя
 привелъ онъ *Олмара* въ прежнюю
 освѣщенную пещеру, гдѣ всѣ нахо-
 дились въ движенiи, и казалось, съ
 неперпѣнiемъ ожидали прихода *Ол-*
марова опца. *Волдемаръ* сказалъ
 на ухо нѣсколько словъ одному изъ
 незнакомыхъ, и сей, взявши дружески
Олмара за руку, повелъ за собою.

Они шли подземнымъ ходомъ
 сквозь ущесы: ихъ гранишныя спѣны
 бросали опъ себѣ гротесковыя шѣни,
 будучи освѣщены свѣпомъ факела,
 и покрывали ими пущешеспвенни-
 ковъ; — наконецъ повѣялъ вѣперокъ
 вспрѣчу *Олмару*, и взорамъ его
 представились мерцающiя звѣзды на
 голубой шверди небесъ, сквозь опшвер-

спія. Проводникъ взвелъ его на кучу камней, и *Олмаръ* вышелъ по нихъ на долину.

Онъ увидѣлъ себя на открытомъ мѣстѣ; позади его возвышались вершины горныхъ хребтовъ, облеченные въ свѣплый сумракъ при магическомъ сіяніи луны, вокругъ его проспирался лѣсъ. По узкой пропинкѣ велъ его проводникъ сквозь густый кустарникъ до той долины, изъ которой вдали видны были возвышающіеся утесы и на нихъ его Замокъ. Здѣсь распался съ нимъ его провожатый, пожавъ дружески его руку — и *Олмаръ* спѣшилъ достигнуть своего Замка.

Конецъ IV Книжки.

КНИЖКА ПЯТАЯ.

Завѣса вѣчности спрашна
Убійцамъ, кровью обограннымъ,
Слезами бѣдныхъ орошеннымъ;
Въ комъ духъ и совѣсть безъ пятна,
Топъ съ шикимъ чувствіемъ встрѣчаетъ
Злашую Фебову стрѣлу,
И Ангелъ смерти освѣщаетъ
Предъ нимъ густую смерти мглу.

К . . нѣ.

XIX.

Росвиъ послѣ чудеснаго явленія
незнакомца, который обратилъ вни-
маніе его на заблужденіе, въ копо-
ромъ онъ находился, въ разсужденіи
убійства его сына имѣлъ много пред-
метовъ къ сомнѣнію Мучительное
безпокойство, которое онъ изпре-
биль щещено спарался, овладѣло
его душою; онъ терялся въ лабирин-

тѣ мыслей , изъ котораго не могъ найти вѣрной дороги къ выходу , и который дѣлалъ его часто споль мрачнымъ , что онъ не могъ сносить ни чьего присущствія , кромѣ своей дочери , и никто не смѣлъ входить въ его уединеніе.

Доказательства , которыя онъ имѣлъ о убійствѣ своего сына , были , казалось ему , споль необманчивы и ясны , что онъ не могъ совсѣмъ объ этомъ сомнѣваться ; но таинственный незнакомецъ , котораго явленіе было ему непоспужимо , привелъ его въ разсужденіи этого въ заблужденіе ; онъ видѣлъ , что и *Бруно* такое же имѣлъ привидѣніе изъ тѣхъ бумагъ , которыя оставилъ ему сей покойный другъ его , и что оно , показавъ ему половину кольца , доказало тѣмъ участіе , принимаемое имъ въ судьбѣ *Олмара* , и что всѣ прошедшія обстоятельства ему извѣсны очень коротко.

Онъ не сомнѣвался, что прежнее привидѣніе, казавшееся ему, есть одно и то же. Если бы онъ и могъ сомнѣваться, что все это было одно искусство, и что мертвая голова маска: то все непонятная мистическая одежда, въ которой скрывалось привидѣніе, и образъ рѣчей, которыя обратили его вниманіе на прошедшія вещи, сдѣлало въ немъ сильное впечатлѣніе.

Предосторожность, которую имѣлъ совѣтовало ему привидѣніе отъ близкаго сокрытаго врага, который совершилъ пресупленіе въ убійствѣ *Эдгарда*, и сложилъ съ себя вину на *Волдемара*, умножало его безпокойство и неизвѣстность; безпрестанно гремѣли слова привидѣнія въ его слухъ, что онъ самъ пишаетъ на груди своей змѣю, оправившую его спокойствіе, и что она жаждетъ еще его крови, и чрезъ то возбуждались въ немъ многія подозрѣнія, которыя невольно утвердились противъ *Рино* и

Гиральда, сколько ни старался онъ подавлять ихъ при самомъ ихъ началѣ; попому что отношеніе, которое видно было въ *Рино* къ нему, казалось, совершенно сему прѣпротиворѣчило, и онъ никакъ не могъ приписать ему столь ужасный видъ злобы и притворства.

Миона съ радостнымъ сердцемъ приняла отъ привидѣнія оправданіе о невиновности несчастнаго *Волдемара*, и собственное щастіе, основанное на союзѣ съ милымъ ей *Олмаромъ*, увѣряло ее въ томъ, что оправданіе *Волдемара* было истинно, и что ей должно было употребить всѣ свои силы, чтобъ обнаружить его. — Чего весьма желаешь, въ томъ скоро увѣришься. — *Миона*, будучи смѣло увѣрена, что привидѣніе сказало правду, присступала къ *Росвику* съ безпреспанными прозъбами изпребишь свою ненависть къ *Олмару*, и по увѣренію привидѣнія позволишь ему входъ въ Замокъ; но *Росвикъ* не

могъ на это рѣшиться прежде, какъ не получишь почнаго и полного доказательства Волдемаровой невинности, на которыхъ были основаны увѣренія того привидѣнiя.

Больше всего желалъ *Росвикъ* увѣриться въ разсужденiи *Волдемара*, и для того вездѣ искалъ незнакомца, чшобъ увидѣть его опять и принудить къ опвѣсту; но всѣ его надежды объ этомъ разрушились, потому что никакъ и никакъ не могъ опкрыть слѣдовъ его.

Непонятно было и то для *Росвика*, что въ столицѣ знаменитѣйше люди всшупились какъ друзья и защитники за невинно погибшаго *Волдемара*, и предложили доказательства, которыхъ ясно показывали, что онъ палъ несчастною жертвою тайной злобы подлыхъ враговъ своихъ. Какъ ни ненавидѣлъ *Росвикъ* *Волдемара*, убійцу своего сына и всеобщаго преступника, но не могъ противорѣчить теперь оправдывающимъ до-

казательствамъ , копорыя часъ опъ часу спановились больше и яснѣе , и со спыдомъ признался самому себѣ , что онъ слишкомъ много позволилъ ослабить себя мнимому блеску , и вступилъ въ союзъ съ людьми къ гибели *Волдемара* , копорыхъ призналъ онъ шеперь за явныхъ его неприятелей . Онъ съ ужасомъ шрепещалъ при мысли , что можешъ бышь онъ сдѣлалъ несправедливостъ , копорую поправилъ шеперь было уже невозможно ; естли невиностъ несчастнаго *Волдемара* снова ушвердился и имя его будешъ чисто опъ приписанныхъ ему злодѣйствъ ; — и сколько ни былъ онъ увѣренъ , что несчастный давно подъ бременемъ бѣдспвій , его угнѣбавшихъ , сдѣлался жершвою смерти , столькожь много и желалъ , чтообъ извѣспія о его гибели были несправедливы , чтообы *Волдемаръ* былъ живъ , чтообъ онъ возвратился , и ушвердилъ еще болѣе свою невинностъ .

Такія обспояшельства споль за-мѣшали *Росвика*, что онъ въ мрачныхъ размышленіяхъ, уединясь опъ всѣхъ, бродилъ подобно тѣни въ окружностяхяхъ *Замка* и мучился ужасными мечшами разгоряченнаго воображенія, копорья часъ опъ часу болѣе возмущали его спокойствіе. Тщешно употребляли всѣ силы *Минона* и *Эдда*, чтобъ развеселишь его и опвлечь опъ перзающихъ его душу размышлений; вся сила воображенія его была привязана къ занимавшимъ его предметамъ, и онъ съ каждымъ днемъ дѣлался мрачнѣе и задумчивѣе.

Минона наконецъ должна была опасаться пагубныхъ слѣдствій для его здоровья, еспли не случатся какія новыя причины, копорья бы могли изпоргнуть его изъ мрачныхъ размышлений, и дашь ему ясное понятіе о прошедшихъ обспояшельствахъ. И онъ раздѣляли въ этомъ случаѣ пламенное желаніе своего родшеля, чтобъ пошь инаименнейшій

незнакомецъ показался имъ въ другой разъ, и объяснилъ совершенно содержаніе его шайны. — Но дни проходили одинъ за другимъ, не принося ни малѣйшаго удовлетворенія ихъ неперпѣливости.

Увѣдомленный опъ незнакомца, что шайные враги его окружаютъ, и увѣренный опъ него въ невинности *Волдемара* въ убійствѣ его сына, сдѣлался *Росвикъ* наконецъ сомнишелень и недовѣрчивъ ко всему, что его окружало. Какъ мало ни полагался онъ на мысль, что можетъ быть *Гиральдо* подъ видомъ благородства и любви скрываетъ злобную душу; но все не могъ онъ совершенно изпребить нѣкоторыхъ подозрѣній, которыя невольно раздались въ душѣ его. — *Гиральдово* долгое отсутствіе изъ *Замка* было для него непоняшно, и шѣмъ больше не постигалъ онъ причины, которая могла его понудить такъ поспѣшно и съ такимъ безпокойствомъ ѣхать въ столицу, шѣмъ

больше казалось ему необходимо узнать о томъ совершенно.

Онъ послалъ въ городъ одного изъ вѣрнѣйшихъ и надежнѣйшихъ своихъ слугъ, чѣмъ освѣдомиться тамъ о *Гиральдѣ* и примѣчать за всѣми его поступками; но сколько велико было его удивленіе, когда посланный возвратился назадъ съ извѣстіемъ, что *Гиральдо* совсѣмъ тамъ не былъ, и что всѣ принятыя имъ мѣры узнать о немъ, были напрасны.

Таковыя извѣстія натурально возбудили въ сердцѣ *Росвина* новыя сомнѣнія и заботы; онъ думалъ, что или случилось съ *Гиральдомъ* гдѣ-нибудь какое несчастіе и воспрепятствовало ему достигнуть города; или поѣздка его есть ничто иное, какъ предлогъ, подъ которымъ сокрыто было какое-нибудь другое его намѣреніе.

Въ разговорахъ объ этомъ предметѣ, прогуливался въ одинъ день *Росвикъ* съ своею дочерью въ долину

предъ своимъ Замкомъ, какъ незнакомый старецъ, согбенный древноспію лѣпъ, вышелъ изъ-за кустовъ, опираясь на свой посохъ и шелъ къ намъ медленно на встрѣчу. Лѣта старца, его сѣдые волосы, благородство, изображавшееся въ чертахъ его лица, и вся его наружность вдыхали невольно къ нему довѣренность и почтеніе. Росвикъ почувствовалъ сильное стремленіе въ своемъ сердцѣ къ сему пустыннику.

„Куда идешь, почтенный отецъ? спросилъ его *Росвикъ*.“ — Мое желаніе исполнено, отвѣчалъ старецъ — и естли вы, какъ я надѣюсь, естли *Росвикъ*, то моя дорога кончена.

Росвикъ. Я *Росвикъ*; а кто вы?

Старецъ. Я пустынникъ изъ этихъ горъ, и шеперь повелѣніемъ высочайшей Воли, Которая невидимо окружаетъ васъ и хранишь, оставилъ мое щасливое уединеніе отъ свѣта, чшобъ найши васъ, и объявити вамъ

нѣкопорыя обстоятельства, беспокоящія васъ чрезвычайно.

Росвикъ. Есѣли я не ошибаюсь въ словахъ вашихъ, то приходъ вашъ будетъ драгоцененъ для меня. — Развѣ вамъ извѣстно, почтенный старецъ! что меня такъ беспокоитъ? и можете ли вы дать мнѣ понятіе о вещахъ прошедшихъ и будущихъ?

Старецъ. Причина беспокойства вашего мнѣ извѣстна, и я пришелъ вывести васъ изъ сомнѣнія.

Росвикъ. Такъ дайте мнѣ вашу руку, чѣобъ я проводилъ васъ въ мой замокъ, гдѣ мы можемъ говорить, не опасаясь помѣшательства.

Старецъ. Нѣтъ, въ вашемъ замкѣ мнѣ бытъ не лзя; но я намѣренъ просить васъ послѣдовать за мною и позволить мнѣ проводить себя.

Росвикъ. Куда?

Старецъ. Къ доказательствуамъ.

Росвикъ. Изъяснитесь больше, есѣли я долженъ за вами слѣдовать;

я васъ не знаю, и невозможно мнѣ вѣрить себя незнакомцу, о которомъ я не могу судить, въ какую сторону употребить онъ мою довѣренность.

Старецъ. Вы сомнѣваетесь во мнѣ? Взгляните на меня, *Росвикъ!* старость осребрила мои волосы; эта сѣдая голова неспособна для такого дѣла, которое бы, обезчестивъ и покрывъ ее стыдомъ, привело къ могилѣ; повѣрьте мнѣ себя, я вамъ желаю добра; слѣдуйте за мною безъ опасенія. — Вы вооружены, а я нѣтъ, и если вы увидите обманъ или измѣну, то вамъ легко будетъ однимъ ударомъ вашего меча низвергнуть меня — чего вы можете опасаться отъ беззащитнаго старика?

Росвикъ. Развѣ я могу знать, кто тамъ скрывается въ лѣсу, а можетъ быть и изъ вашихъ товарищей.

Старецъ. Истинно — такъ какъ я желаю умереть спокойно — нѣтъ

шамъ никого, кшобъ желалъ вамъ зла. — *Росвикъ!* вы слишкомъ благородны, чшобъ могли приписатьъ измѣну спарцу; но я извињаю вашу недовѣрчивость попому, что вы истинно окружены шайными злодѣями; но знаете ли, что причина моего прихода есть та, чшобъ научить васъ ихъ знать короче, показатъ вамъ змѣю, о копорой говорило вамъ привидѣнiе еще прежде, копорая за то, что вы пишали ее на груди вашей, жаждетъ крови вашего сердца. Еспьли вы желаете узнать шайну, то немедленно послѣдуйте за мною: мы не должны перятъ напрасно времени. —

Росвикъ. Пустъ такъ — я послѣдую за вами, и горе вамъ, еспьли вы обманете меня и употребите во зло мою довѣренность!

Миона просила своего опца, чшобъ онъ позволилъ и ей послѣдовать за ними; но спарець пропивилъ ся ея предложенiю и сказалъ, что

одинъ *Росвикъ* долженъ и можетъ за нимъ слѣдовать, и что ея присущствіе необходимо нужно теперь въ Замокъ. Тщешно надѣялась *Минона* превозмочь его своими прозьбами; она должна была согласиться одна идти въ Замокъ, между тѣмъ какъ старикъ, взявши дружески за руку ея отца, пошелъ съ нимъ сквозь утесы.

XX.

Олмаръ былъ принятъ съ сильнѣйшими восхищеніями радости отъ своихъ подданныхъ при возвращеніи его въ Замокъ *Рулрехль*. Его старый и вѣрный служитель старался крайне узнать причину его отсутствія; но *Олмаръ* хотя и желалъ открытъ ему ее, но данная имъ клятва, хранишь тайну и наблюдать спрочайшее молчаніе, принуждала его оставить по прежнему добраго старика въ его неизвѣстности.

Со всею неперпѣливостію страстнаго сердца ожидалъ *Олмаръ* дня, который исполнишь обѣщаніе его опца, и онъ увидишь свою любезную *Минону*. Его неперпѣніе обращало для него часы въ долгіе дни, и онъ безпреспанно ходилъ въ долинь и по лѣсу, надѣясь гдѣ-нибудь увидѣшь посланнаго опъ своего родишеля; но его желаніе оставалось безъ удовлетворенія, и уже прошло много дней, но посланный опъ *Волдемара* не являлся.

Напрасно шрудился онъ также получишь хопя какъ нибудь извѣстіе о *Минонѣ*; онъ осмѣливался даже нѣсколько разъ подходишь къ *Росвинову* Замку, чшобъ опкрышь какое-нибудь средство чрезъ хипросць взойти въ него и увидѣшь любезную; но съ горькою досадою видѣлъ онъ, что всѣ его покушенія были бесполезны прошивъ крѣпкой спражи *Росвика*.

Также были бесполезны его спаранія найши своего благодѣшеля,
Книж. V. Б

горнаго Барда; — казалось, что звуки его арфы умолкли навсегда. — *Олмарь* воображая, что можешь быть поперяль къ себѣ благосклонность *Уллы*, бродилъ печально въ окружности *Хиллы*, и искалъ слѣдовъ Барда, или ожидалъ гдѣ-нибудь услышать тоны его арфы; при каждомъ звукѣ вѣтра въ горныхъ ущельяхъ, при каждомъ шумѣ препенущихъ листьевъ мечпаль онъ слышалъ его арфу, — но всегда видѣлъ надежду свою обманушу.

Упомнень долговременною и бесполезною ходьбою, бросилъ онъ подъ кустъ не въ далекѣ отъ подошвы горы *Хиллы* и со вздохами произносилъ печально имя *Уллы*, и вдругъ тихіе плѣнительные тоны златоспрунной арфы Барда принесли къ нему издали. Оживленъ радостнымъ воспоргомъ, вскочилъ *Олмарь* и спѣшилъ въ ту сторону, изъ которой происходили звуки; но чѣмъ ближе думалъ онъ быть къ нимъ, тѣмъ бо-

лѣе они опъ него удалялись, пребывая опъ него всегда въ одинаковомъ разстояніи и, казалось, вели его за собою въ опредѣленное ему мѣсто.

Онъ вышелъ наконецъ изъ кустарниковъ и увидѣлъ себя близъ своего Замка. Не зная, что долженъ былъ шупъ дѣлать, онъ остановился въ размышленіи, какъ вдругъ гармонія невидимой арфы умолкла и тихій голосъ сказалъ ему изъ кустовъ: „Слѣдуй гласу любви и дружбы; часъ насталь, копорый увѣнчаешь пламенные желанія швои.“

Олмаръ изумленъ оглянулся въ кустарникъ, и хопѣлъ въ немъ искашь шого, кто говорилъ ему — какъ услышаль, что его зваль нѣкто. Онъ взглянулъ и вѣрный его *Рулрехль* предспавился ему, копорый уже давно искалъ его. Онъ сказалъ *Олмару*, что прибылъ незнакомецъ въ Замокъ, шопъ самый, копорый приносиль объ немъ извѣстіе къ нимъ во время оплучки его, и копорый

теперь неперпѣливо желаетъ его видѣть.

Съ біющимъ оупъ радости сердцемъ и легкой надеждою лепѣлъ *Олмаръ* на гору, гдѣ ожидалъ его незнакомый. Съ дружескимъ взоромъ вспрѣпилъ сей *Олмара*, и подаль ему руку. *Олмаръ* узналъ въ немъ того юношу, котораго онъ видѣлъ, почувствовавшись въ пещерахъ Хиллы, и который взялъ у него перспень.

„Привѣспивую тебя сердечно, любезный братъ! сказалъ незнакомецъ *Олмару* — твой родитель назваль насъ обоихъ братьями, и съ полнымъ жаромъ братской любви прижимаю я тебя къ моей груди.“

„Твой родитель посылаетъ тебѣ свой поклонъ со мною, продолжалъ онъ, и эптошь медальюнъ швоей сестры скажетъ тебѣ, что ты безъ всякой опасности можешь мнѣ себя вѣришь. — Радуйся, любезный братъ! пробуждающіеся дни нашего часнїя улыбающся изъ мрака въ

обновленномъ, полномъ блёскѣ! Благодарю, что я избранъ бышь объ немъ вѣспникомъ тебѣ!“

Олмаръ. (углублень въ разсмаприваніи портрета) Милая, любезная сеспра! (цѣлуеть портретъ) Подъ какимъ кровомъ живёшь ты? — скоро ли я увижу тебя?

Незнакомецъ. Чась, который приведешъ ее въ твою объяснѣя, можешъ бышь ближе, нежели ты ожидаешъ.

Олмаръ. Спранно! чѣмъ больше всмаприваюсь я въ изображеніе ея, кажешся, нахожу въ немъ черпы, копорыя миѣ не незнакомы. Правда то, или ошибка?

Незнакомецъ. Замѣть этѣ черпы, чтобъ послѣ, когда увидишь оригиналъ, могъ ты ихъ вспомишь; но я чишаю въ твоихъ взорахъ теперь другое желаніе и гошовъ его исполнишь.

Олмаръ. Бапюшка обѣщаль миѣ при нашей разлукѣ съ нимъ, что

онъ доставишь мнѣ случай увидѣть мою драгоценную *Миону*. Поршпретъ моей сеспры долженъ былъ означить мнѣ того человѣка, копорому долженъ буду я себя ввѣрить; ты принеси мнѣ ея изображеніе, и вѣрно моя надежда и призываніе меня сюда горнымъ Бардомъ не будутъ обманчивы — я увижу *Миону*.

Незнакомецъ. Ты увидишь ее, я проведу тебя къ ней. Но Опмаръ, брашь мой! вооружи швердостію швое сердце, чшобъ не пастъ въ высочайшемъ воспоргѣ радости, тебя ожидающемъ. Время для насъ драгоценно, спѣши. Возь одежа, копорая сдѣлаетъ тебя непримѣннымъ; надѣнь ее и слѣдуй за мною въ то мѣсто, гдѣ любезная швоему сердцу ожидаетъ съ неперпѣніемъ любви швоего прибытія.

Опмаръ. Какъ! *Мионѣ* извѣстно, что я въ эшомъ часъ буду съ нею?

Незнакомецъ. Она извѣстна объ этомъ и ожидаетъ тебя съ неперпѣніемъ.

Олмаръ. Поспѣшимъ, любезный братъ, увѣнчаемъ наши пламенные желанія!

Олмаръ скоро надѣлъ плащъ, которое принесъ для него незнакомецъ, и быспрыми шагами полетѣлъ съ нимъ къ *Замку Росвика.*

XXI.

Замокъ Росвиковъ былъ теперь болѣе, нежели когда нибудь, жилищемъ мрачной меланхоліи, глубокой печали и безпокойствъ; мрачная печаль просперлась даже и на *Эдду*: ея веселость исчезла опяшь совершенно, и прежняя горестъ заспунила мѣсто спокойствія въ ея сердцѣ. Долгое время не получала она никакого извѣстія о своемъ любезномъ *Арно*, и неизвѣстность, въ кошо-

рой она опъ того находилась, такъ же и положеніе споль печальное ея любезной *Мионны*, возмутили снова мирную пишину ея души; скорбь получала новую силу опъ принужденія, которое скрывала *Эдда* опъ своей подруги, чпобъ чрезъ нее не умножишь еще болѣе печаль *Мионны*.

Погружена въ глубокую горесть и занята совершенно своимъ любезнымъ, котораго почиала опдаленнымъ, прогуливалась въ одинъ день *Эдда* въ долину передъ Замкомъ, и услышала, чпо нѣкто звалъ ее; она оглянулась и увидѣла молодаго крестьянина, который выступилъ изъ закусовъ и приближался къ ней; но кто можеть вообразить топъ радостный воспоргъ *Эдды*, когда она узнала въ переодѣломъ своего любезнаго *Арно*, съ восхищеніемъ полешла она въ его объятія.

„Не многія минушы могу я провеспи съ тобою, сказалъ ей наконецъ *Арно*, поднимая ее въ своихъ

объяпіяхъ — выслушай, что я скажу тебѣ:

„Ты хочешь опять оставить меня! вскричала *Эдда*, обнимая его; нѣтъ, нѣтъ, я не отпущу тебя!“

„Это необходимо, возразилъ *Арно*, я долженъ распаться съ побою для того, чтобы шѣмъ скорѣе возвратишься опять въ швом объяпія. Любезная *Эдда*! наша разлука будетъ только на короткое время — давно желанная наша будущность, долженствующая увѣнчать взаимныя наши желанія, теперь наступаетъ, и день близокъ, который соединитъ насъ навсегда, чтобы послѣ никогда не разлучаться; но теперь наше свиданіе не можетъ продолжиться долгое время — завтра буду я опять сюда, и приведу съ собой еще человѣка, который тебѣ и сердцу *Минонь* дороже всего.

„Кто можетъ быть мнѣ дороже тебя, мой любезный? — спросила

Эдда Арно. Человѣкъ, котораго союзъ крови имѣеть свящѣйшія права на твою любовь.

Эдда. Я не понимаю тебя.

Арно. Завпрешній день объяснишь тебѣ все. Но теперь скажу тебѣ, что я нашель твоего родителя; онъ мой другъ и мой благодѣтель; онъ самъ освящилъ союзъ нашихъ сердець, и посылаетъ меня теперь къ тебѣ, чтобъ приготовить тебя къ той восхищительной сценѣ, которая ожидаетъ тебя завтра. Не спрашивай меня ни о чемъ болѣе, любезнѣйшая *Эдда*, но слушай предложеніе твоего родителя.

Эдда. Моего родителя? — Великій Боже! мой родитель живъ — я увижу его? —

Арно. Ты увидишь его; онъ самъ встрѣтитъ тебя со всею горячностью родительской любви, и просретъ къ тебѣ свои объятія, когда наступитъ время, которое позволишь ему выдти изъ тайнственнѣйшей

неизвѣстности, которая теперь еще его окружаетъ.

Эдда. Мое сердце говоритъ мнѣ, что я его видѣла; кто другой, кромѣ его, могъ бы брать во мнѣ такое участіе, и привести себя въ мои объятія? — Это онъ былъ пошъ почтенный старецъ, который предсказывалъ много разъ утѣшилъ меня, и обѣщавъ намъ свиданіе.

Арно. Твое сердце себя не обмануло — этошъ старецъ — швой родитель, мой другъ!

Эдда. Ты знаешь его пребываніе — проводи меня къ нему, я хочу увидѣть его.

Арно. Теперь это еще не возможно; чрезвычайное опдаленіе разлучаетъ васъ, и я подвергъ бы себя его неудовольствію, естлибъ, исполнивъ швое желаніе его видѣть, преступилъ его волю. Успокойся и подожди еще немного — радостная минута свиданія недалеко. Теперь выслушай шо, что я долженъ ска-

зашь шебѣ: завтра *Росвикъ* будеть опдалень оть своего Замка. Ты воспользуйся минушами его опсупствія, и непременно съ *Миною* удались изь Замка на это мѣсто, гдѣ будеть ожидать ее *Олмаръ*. Я самъ приведу его сюда, и буду въ своихъ оъявляхъ до того времени. Прости моя любезная *Эдда*! Но поступай съ осторожностію и благоразуміемъ, чшобъ какой-нибудь извергъ пайно не примѣпилъ нашихъ намѣреній и не возмушилъ нашего свиданія.

Онъ пламенно поцѣловаль ее, и скрылся опъ ея взоровъ въ густомѣ кустарниковѣ.

Эдда слѣшила въ Замокъ увѣдомить о промшедшемъ свою подругу и приготошилъ ее къ свиданію съ *Олмаромъ*; но *Росвикъ* препяпспвоваль ей въ ея намѣреніи приближиться къ *Мионѣ*, и щещпно *Эдда* ожидала минушы, въ которую *Росвикъ* опъ нее удалился, чшобъ упопробилъ ее въ свою пользу и по-

говоришь съ Миноною. Эдда опасалась, что ея извѣстіе, которое хопѣла она сообщить своей подругѣ, произведетъ споль радостныя чувства и воспоргъ любви, что *Минона* не будетъ въ силахъ сокрыть оныя, и шѣмъ можетъ возбудишь подозрѣніе въ *Росвикѣ*; — она долго разсуждала объ этомъ предметѣ, и рѣшилась принудить себя ничего не говорить своей подругѣ объ ожидающей ее радостной минушѣ свиданія съ любимымъ ею *Ошмаромъ*, но изумишь ее нечаянно, показавъ его ей на самомъ дѣлѣ.

Эдда съ неперпѣніемъ ожидала наспуающаго дня; но приближеніе его повергло ее въ сильное безпокойство: часы проходили одинъ за другимъ въ бесполезномъ ожиданіи, и *Росвикъ* не показываль ни малѣйшаго знака, чтобъ удалишья изъ Замка; наконецъ она увидѣла, что онъ пошелъ прогуливашься съ *Миноною*: Тогда надежда ея сдѣлалась совер-

шенно тщетною; она воображала, что *Олмаръ* и *Арно* были чѣмъ-нибудь задержаны, и не могли сего дня бышь къ свиданію — какъ вдругъ увидѣла *Минону*, идущую въ сильномъ смущеніи. Первое слово ея было то, что незнакомецъ увель опца ея.

Съ неописанною радостію при этомъ извѣстіи заключила *Эдда Минону* въ свои объятія и вскричала: „Радуйся милая *Минона*! опдаленіе швоего родителѣя имѣеть въ предметѣ своемъ наше благополучіе, пойдѣмъ скорѣе — время уже тебѣ увидѣть любезнаго своего *Олмара*!“ — „Моего *Олмара*! вскричала *Минона* — гдѣ найду я его?“

„Мой *Арно*, мой любезный ожидаешь тебѣя съ нимъ, возразила *Эдда*; въ эту минушу они ужъ вѣрно вблизи насъ — пойдѣмъ за мною — шамъ въ долинь за нашимъ *Замкомъ* найдемъ мы ихъ въ кустарникѣ.“

Быспро бѣжала *Минона* съ своею подругою съ вершины горы въ показанную спорону, и едва достигла куспарника, какъ *Олмаръ* выпушилъ ей на встрѣчу и заключилъ ее съ жаромъ въ свои объятія, между тѣмъ какъ *Эдда* спремилась въ объятія своего любезнаго *Арно*.

Въ божественномъ восхищеніи сжималъ *Олмаръ* любезную въ своихъ объятіяхъ; ея сердце сильно билось противъ его сердца; его видъ изображался въ пламенныхъ слезахъ восторга *Миной*; сладостное упоеніе объяло ихъ — она не могла говорить — чувствовала неизъяснимаго восторга спѣснило ихъ груди, и пламенные поцѣлуи сыпались на горящія уста ихъ, которыя говорили краснорѣчивѣе всѣхъ холодныхъ и напыщенныхъ выраженій; казалось, восхищенные они забыли все подлунное.

Радостно освѣщало солнце щасливую чешу, копорыхъ сердца, казалось, были созданы одно для дру-

гаго. Время летѣло быстро надъ очарованными любовниками; наконецъ первый порывъ восторга утихъ, прелещущее сердце успокоилось, и они предались чувству милаго воспоминанія будущности.

Еще, оба влюбленные покоились въ объятіяхъ другъ друга, наслаждаясь пламенно полною своего счастья, наконецъ *Арно* и *Эдда* къ нимъ приблизились и пробудили ихъ изъ очаровательнаго сна.

„Взгляни, брагъ мой! сказалъ ему *Арно*, для тебя сохранено еще блаженство неожиданнаго свиданія; вотъ еще другая женщина, которая принадлежитъ своимъ объятіямъ.“ *Олмаръ* поднялся въ рукахъ *Минонъ* и взоры его неподвижно остановились на *Эддѣ*.

„Вспомни мои слова — продолжалъ *Арно* — призови въ своемъ воображеніи опять черты того портрета, и ты увидишь ихъ въ моей драгоценной *Эддѣ*.“

„Всещедрый Боже! это правда — мои взоры меня не обманываютъ, вскричала *Опмарь* — это она!“

„Это она, возразилъ *Арно*, и *Эдда* была въ объятіяхъ *Опмара*. Моя сестра! моя вѣчно любезная, несравненная сестра!“ вскричала *Опмарь*, и съ неописаннымъ восхищеніемъ прижалъ ее къ шрепещущему своему сердцу. Чрезмѣрный восторгъ стѣснилъ грудь его, и онъ не имѣлъ силъ произнести ни одного слова: подобно пробуждающемуся изъ глубокаго сна взиралъ онъ съ тихимъ содроганіемъ и жадными взорами на свою милую сестру, какъ будто бы не допуская исчезнуть пріятному сну своей фантазіи.

Но его сонъ былъ щастливая истина, и высочайшій восторгъ, очаровавшій *Опмара*, раздѣлялъ сердце *Эдды* со всею горячностью. Вышедъ изъ радостнаго забвенія, *Арно* тысячу разъ подтвердилъ *Эддѣ* имя ея

брата и, казалось, былъ счастливъ ея восхищеніемъ.

Но прочь вы, безсильныя, мерзвыя выраженія пера! — Гдѣ дѣйствующъ порывы воспорженного сердца, шамъ умолкають хладныя безчувственныя уста.

Долго восхищенные они не могли собрать разсѣянные свои мысли, чпобъ изъяснишься другъ другу; — съ неизъяснимымъ воспоргомъ лешѣла *Минона* присоединишь свои объшніа къ объшніамъ милыхъ счастливицевъ и раздѣлишь блаженство ихъ свиданія послѣ долговременной разлуки.

Сколько много имѣли шеперь чешверо любящіяся сказаць другъ другу. Еще все для нихъ было мрачно, таинственно, и одно взаимное объясненіе могло излишь свѣпъ въ неизвѣстность ихъ, и многіе часы непримѣпно пролешѣли надъ ними.

„Боже мой! вскричалъ наконецъ *Олмаръ*, мы неизъяснимо счастливы, и можешъ бышь слѣдую-

щая минута разрушитъ опять блаженство сихъ часовъ!“

„Нѣтъ, этого не будетъ болѣе, прервала *Миона*, прижавъ его пламенно къ своему сердцу: Небеса, которыя соединили насъ послѣ долгой разлуки, и власть пачинственнаго горнаго жителя, насъ охраняющая, не допустишь, чѣмъ бы мы были несчастны; мои надежды воскресли снова и гораздо живѣе прежнихъ шеперь въ душѣ моей.“

Олмаръ. Обращи взоръ твой на своего родителя: онъ ненавидитъ меня, какъ убійцу сына своего, твоего брата, *Эдгарда*. Онъ возвратился въ свой Замокъ, и его ненависть, его гнѣвъ противу меня воспладаютъ ужаснѣе, если узнаетъ онъ, что во время его отсутствія здѣсь происходило. Какъ шепеть сердце мое о тебѣ, любезная сестра! Если *Росвикъ* будетъ извѣщенъ, что другъ его дочери есть

дочь несчастнаго, ненавистнаго
ему *Волдемара*!

Арно. Не безпокойтесь наступило уже время, которое откроетъ наконецъ тайну прошедшаго; онъ узнаетъ всѣ заблужденія, въ копорыхъ онъ доселѣ находился, и его ненависть и опмщеніе прошивъ своего родителя и себя-изчезнутъ мгновенно; онъ сдѣлается щасливый опецъ, и въ чрезмѣрномъ восторгѣ вручитъ себѣ любимицу своего сердца, и утвердитъ союзъ вашей любви своимъ опеческимъ благословеніемъ.

Олмаръ. О! какъ пріятна, какъ сладостна сія божественная мечта! — есплибъ я могъ наслаждаться ею! —

Арно. Сладостная мечта сія скоро превратится въ щасливую истинну, и *Росвикъ* съ новою опеческою любовію какъ примиренный врагъ вступишь въ замокъ свой.

Олмаръ. Кто мнѣ будетъ порукой въ эпомъ?

Арно. Улло, горный Бардъ, и его всемогущая власть.

Они все еще продолжали говорить о семь-предметъ, какъ вдругъ произшедельный, рѣзкій звукъ, подобный дикому крику совы, раздакъ изъ за кустовъ. — *Олмаръ* съ ужасомъ вырвался изъ объятій *Миноны*. *Арно* оглянулся быстро въ сторону, откуда происходилъ звукъ, и содрогнулся. — Чшо это значить? спросилъ *Олмаръ*.

„Мы должны разспаться, опвѣчалъ *Арно*: этошъ извѣстный намъ звукъ предосперегаетъ насъ; какой-нибудь измѣнникъ находится здѣсь вблизи — но не безпокойтесь. — Улло, нашъ невидимый защитникъ, присушествуетъ надъ нами; однакожъ лучше избѣжать опасности бышь открытыми, и скорѣй разспаться — радостно, и продолжительнѣе будетъ второе наше свиданіе!“

Трепещущая опъ ужаса прижалась *Минона* къ груди *Олмара*, и

Арно щещно спарался вырвать ее изъ его объятій и съ нимъ удалился, какъ вдругъ выбѣжалъ измѣнникъ *Молто* изъ кустовъ съ нѣсколькими злодѣями, которые бросились съ яростию къ *Олмару* и *Арно*, чшобъ схватить и повлечь ихъ въ *Росвиковъ* Замокъ.

„Запруби въ рогъ, вскричалъ *Арно* къ своему другу.“ Немедленно схватилъ *Олмаръ* рогъ, и едва громкіе, дикіе звуки его раздались въ горахъ, какъ множество вооруженныхъ выбѣжало изъ за кустовъ, окружили злодѣевъ, обезоружили ихъ, и *Молто* связавъ, увлекли съ собою, прежде нежели сей могъ опомниться опъ чрезвычайнаго своего изумленія, и *Арно* увлекъ съ собою *Олмара*.

XXII.

Неизвѣстность, въ которой находился *Рино* въ разсужденіи похищенныхъ у него бумагъ, повергла

его въ величайшее безпокойство, и сдѣлало ему несноснымъ его уединеніе; различныя, окружавшіе его ужасы, чудныя явленія дали ему чувствованіе, что какой-нибудь тайный сопротивникъ вкрался въ его тайны, примѣчалъ за всѣми его шагами и угрожалъ совершеннымъ разрушеніемъ его умысловъ; шеперещія, важнѣйшая пропажа доказательствъ его злодѣйствъ, не оставила его больше въ сомнѣніи, что прежнее его опасеніе въ разсужденіи тайныхъ враговъ было очень основательно. — Еслили содержаніе сихъ бумагъ будетъ открыто, то не оставалось ему никакого средства къ своему спасенію; его злодѣйства слишкомъ ясно обнаруживались въ оныхъ, чтобъ онъ чрезъ какую-нибудь хитрость могъ опять скрыть ихъ, но больше еще, нежели это страшное открытіе его тайныхъ бездѣльничествъ и злодѣйствъ, угнѣшала его та мысль, что всѣ его ле-

спныя надежды и планы, плоды споль многихъ, безъ сна проведенныхъ ночей, и многолѣтнихъ трудовъ, такъ близкія опъ цѣли своего исполненія, должны уничтожиться, и что онъ долженъ былъ врагу своему *Росвику* оставить поле сраженія, не опмспивъ ему, не лишивъ его знаменности и не похитивъ его сокровищъ.

Эта мысль возбудила въ немъ сильное бѣшенство, которое умножило еще болѣе разительное чувство своей слабости опмспивъ своему врагу и удовлетворить ярости своего сердца. Онъ готовъ былъ испребить все его окружающее, и погибнуть самъ подъ его развалинами, еслибъ только могъ погубить съ собою вмѣстѣ ненавистнаго ему *Росвика*; но этотъ послѣдній находился въ безопасности, могъ презирать и смѣяться его злобному бѣшенству пропивъ себя, и имѣлъ самъ много средствъ испребить въ немъ своего злодѣя: — это приводило

его почти въ опчаяніе. — Давно желалъ бы онъ посѣпить замокъ своего врага *Росвика*, чтобы узнать, на какой предметъ успремлены его намѣренія, потому что можетъ быть онъ извѣщенъ уже о нѣкоторыхъ его злодѣйствахъ тайныхъ его враговъ; но страхъ всегда удерживалъ его, что сильное напряженіе его яростныхъ чувствъ и его злоба могли измѣнить ему и обнаружить его припворство, и что тѣмъ подвергнетъ себя всей ярости гнѣва *Росвика*, и ускоритъ свою гибель, еслии сей точно уже увѣдомленъ о его злодѣйствахъ.

Вся надежда злодѣя основана была теперь на возвращеніи своего сына, и на извѣстіяхъ, которыхъ сей послѣдній привезетъ ему оъ уединеннаго жилища на морскомъ берегу. Съ чрезвычайнымъ нетерпѣніемъ онъ ожидалъ пріѣзда *Гиральда*; онъ почти считалъ часы, пролетѣвшіе въ ожиданіи, и каждый день всходилъ

на сосѣдственныя утесы, чтобъ увидѣть издали его возвращающагося; но всегда надежда его оставалась неудовлетворенною, и каждый вечеръ принужденъ онъ былъ возвращаться одинъ по прежнему въ свое уединеніе.

Долгое отсутствіе *Гиральда* возбуждало еще большее безпокойство въ *Рино* и дѣлало каждый для него день безконечною вѣчностію. Буря, свирѣпствовавшая въ его вѣнуренности, гнала его изъ хижины и заставляла его безпрестанно скидываться въ горахъ и въ лѣсу; онъ трепеталъ отъ ужаса при каждомъ шорохѣ листьевъ, спрашася увидѣть тайнаго измѣнника, и кто вслѣдствіи сѣ нимъ, онъ убѣгалъ отъ него, содрогаясь отъ страха. Сей уединенный путешественникъ казался страшнымъ привидѣніемъ ада, его видъ вселялъ трепеть въ душу каждаго.

Содрогаясь и трепеща отъ свирѣпствующаго чувства злобы, ходилъ

онъ уединенъ въ горныхъ утесахъ,
какъ вдругъ изъ лона пограничной
скалы раздались звуки арфы сквозь
гранишныя ходы, и онъ ясно услы-
шалъ сіи слова, которыми дикій и
громкій мужской голосъ сопровождалъ
поны:

Преступникъ злой нигдѣ не можешъ!
Спасшись отъ совѣсти своей;
Она на каждомъ шагѣ гложешъ
Злодѣю грудь, какъ страшный змѣя.

Еопще Владыка гордый въ мирѣ
Ее мечтаетъ избѣжать;
Онъ золь, онъ извергъ, онъ въ порфирѣ,
Предъ нею долженъ препешать!

Моря и горы возвышенны
Не могутъ злобнаго сокрыть,
Вездѣ Небесъ перуны гнѣвны
Его головы поразить.

Спрашно запрепешалъ *Рино*,
когда звуки умолкли; они ужасно
согласовались съ его внутренностію.
Блѣдень, съ распроенными чертами
лица спѣшилъ онъ назадъ въ свое

уединеніе, и безпреспаино спраш-
 ныя слова мщенія опзывались въ его
 слухъ. Онъ заперся въ своей хижинѣ
 и пренешаль при каждомъ порывѣ
 вѣтра, попрысавшемъ окна въ его хи-
 жинѣ, воображая видѣть въ каждой
 щѣни ужаснаго духа мщенія. Сонъ
 убѣгалъ его ложа, и еспыли когда за-
 крывались глаза его, по сонъ его
 не былъ покоенъ. Воспаленное вообра-
 женіе представляло ему ужаснѣйшія
 изображенія, опъ копорыхъ онъ про-
 будался съ хладнымъ пренешомъ; со
 всѣми ужасами смерти являлось ему
 окровавленное привидѣніе умерщвлен-
 наго *Эдгарда*, угрожая злодѣю; ужас-
 ныя восклицанія духовъ, копорые без-
 преспаино во время ночи спраш-
 ешвогали вокругъ его хижины, по-
 прысали его душу, и наконецъ вдругъ
 казалось ему, что огненная пропасть
 разверзлась надъ нимъ, и ея пламен-
 ный зевъ готовился пожрать его. Онъ
 проснулся, и холодный потъ вы-
 ешуналъ на его лицѣ, и всѣ жилы

его препешали отъ ужаса, какъ въ жесточайшихъ припадкахъ.

Ужасная ночная буря свирѣпствовала надъ его хижиною, наполняя всю Природу препеломъ. *Рино*, пробудясь отъ ужаснаго сна, почувствовалъ страхъ въ своемъ уединеніи; онъ подошелъ къ дверямъ, чѣмъ дасть опдохнуть нѣсколько на свѣжемъ воздухѣ своему спѣсненному сердцу. Ужасно завывали порывы вѣтра въ скалахъ и утесахъ, и спрашно шумѣли горные духи въ окружности, подобно сильнѣйшимъ валамъ, возмущеннаго моря, или разкапамъ жесточайшаго грома; скрипъ и прескъ деревьевъ, сокрушаемыхъ бурей, умножалъ страхъ и ужасъ мрачной ночи, и вся Природа, казалось, была въ сильномъ волненіи. Такое свирѣпство возмущенныхъ стихій дало знать препещущему *Рино*, что ярость страшилищъ горы Хиллы была чрезвычайна, и что прежде воспаленная его фанпазія показывала ему во снѣ,

то увидѣлъ онъ теперь въ самомъ дѣлѣ: ослѣпляющее пламя вспыхнуло близъ его хижины, и ужасное привидѣніе въ бѣлой одеждѣ представилось его взорамъ, которое, угрожая ему, произнесло спрашнымъ голосомъ пророчно: „Горе тебѣ!“ такъ, что онъ безъ чувствъ, подобно оглушенному громомъ, едва могъ достигнуть своего ложа, и упалъ на него безъ памяти.

Въ такомъ ужасномъ положеніи провелъ *Рино* ночь, покуда свѣтъ утренней зари проникъ въ его хижину и уменьшилъ его страхъ. Ужасы прошедшей ночи привели его въ жалкое положеніе, его силы изтопились; изнурень, блѣдень, и съ перемѣнившимися чертами лица, подобный привидѣнію, вспалъ онъ и старался превести въ порядокъ разспроенныя свои мысли, чтобъ рѣшился избавиться отъ спрашныхъ духовъ скаль *Хиллы* и ихъ ужаснаго мщенія, которыми они угрожали ему.

Но что онъ могъ предпринять въ его положеніи? на что можно было ему рѣшиться, когда онъ, куда ни обращалъ свои взоры, вездѣ видѣлъ ожидающую его гибель. Съ претепломъ ожидалъ онъ открытія своихъ злодѣйствъ, и праведнаго мщенія Небесъ за свои преступленія. Не видя нигдѣ пути къ своему избавленію, въ мрачной неизвѣстности гонимъ нечислою совѣсною, бродилъ онъ по лѣсу и въ горахъ. Изпощенный въ силахъ, возвращался онъ наконецъ въ свою хижину.

Безпрестанныя нападенія и ужасы, производимыя горными спрашилицами, съ иѣкопорого времени весьма умножились въ его убѣжищѣ, мучили его безпрестанно, и заславляли его ожиданію пагубныхъ для себя слѣдствій въ будущемъ. Они сдѣлали ему здѣшнее пребываніе и совершенное отдаленіе отъ людей весьма нестерпимымъ, и онъ, желая избавишься отъ сихъ ужасовъ, не находилъ болѣе

никакихъ средствъ, какъ оставишь скорѣе свою ужасную пустыню, и поселишься гдѣ-нибудь въ другомъ углу земли, и тамъ на свободѣ отъ нападенія сихъ непріязненныхъ духовъ, выдумываешь новыя средства произвесишь въ дѣйство свое мщеніе проливъ *Росвика*, и по крайней мѣрѣ низвергнуть его въ прахъ ничтожества, погубишь вмѣстѣ съ собою, еслили не найдешь уже никакого средства къ спасенію.

Онъ сдѣлалъ всѣ нужныя приготовленія, и собралъ малые свои пожитки, чѣмъ какъ можно скорѣе оставишь свое жилище, еслили *Гиральдо* еще долго не возвратится; но какъ велико было опять его изумленіе, когда, разбирая свои бумаги, не нашелъ онъ въ нихъ пакета писемъ, копорыя содержали въ себѣ сто пайное сношеніе съ врагами погибшаго *Волдемара*, и злобу людей, копорыя погубили его, доказывали яснѣйшимъ образомъ.

Злодѣй запрепеталъ и отступилъ назадъ при этомъ новомъ открытіи, онъ видѣлъ шеперь ясно грозящую ему опасность, и она утвердила его въ намѣреніи, какъ можно скорѣе оставить это пагубное мѣсто, гдѣ онъ былъ окруженъ невидимыми наблюдателями и злодѣями.

Какъ все дѣло его состояло въ томъ, чшобы узнать подробно, на чемъ могли бытъ основаны его ожиданія въ разсужденіи похищенныхъ у него бумагъ, которыя попались въ руки его шайнымъ непріятелямъ, и кои можешъ бытъ не спануть заниматься шѣмъ, чшобъ открыть его злодѣйства, и шайныя сѣпи, разсавленные имъ къ гибели несчастнаго *Волдемара*, и попому послалъ онъ въ столицу одного молодого крестьянина, который приносилъ ему иногда запасы, пошребные для его жизни, и поручилъ ему опшестъ нѣсколько писемъ къ прежнимъ участникамъ своихъ злодѣйствъ.

Ужасное безпокойство и замѣшательство, въ которомъ *Рино* находился, умножилось теперь еще больше, когда посланный возвратился къ нему съ пагубнымъ извѣстіемъ, что шѣ люди, къ которымъ онъ адресовалъ свои письма, были арестованы и взяты подъ стражу, и что къ нимъ прійти ему было невозможно для доставленія имъ svoеручно его писемъ.

Но кто вообразитъ себѣ состояніе спараго *Рино*, когда крестьянинъ блѣдень и дрожащъ прибавилъ, что онъ при возвратномъ своемъ пути къ нему былъ остановленъ въ горахъ неизвѣстными ему людьми, которые силою принудили его отдать себѣ всѣ шѣ письма, о которыхъ, какъ видно, имѣли точное свѣденіе.

„Дьяволъ! вскричалъ *Рино*, закрежешь зубами, или все вооружилось прошивъ меня, и вступило въ союзъ къ моей гибели? Но еслилибъ и всѣ силы ада возстали прошивъ меня, то и тогда мужество меня не осла-

вить; — есплы я долженъ буду пасть, то паду не безъ опмщенія!“

Скорыми исполинскими шагами, казалось, наступала теперь его гибель. Важнѣйшія доказательства его злодѣйствъ были похищены, и находились безъ сомнѣнія въ рукахъ незнакомыхъ ему враговъ, копорыхъ онъ спрашился тѣмъ болѣе, что они дѣйствовали противъ его въ скрытности. Вѣрные участники его преступленія были опкрыты, и преданы въ руки правосудія, и въ эпожъ время долженъ онъ былъ опасаться, чтобъ не имѣлъ равной съ ними участи, и равно не понесетъ праведнаго наказанія за преступленія свои. Какая еще оспавалась ему надежда? Его бѣшенство не имѣло предѣловъ, и успрашало крестьянина, копорый принесъ ему столь ужасную для него вѣсть.

Ужасно свирѣпствовалъ онъ противу самого себя. „Спароси! вскричалъ онъ въ спрашномъ движеніи,

похищившая мои силы, изсушившая мою руку! еспьлибъ я могъ соединить весь остатокъ силъ будущихъ дней, опредѣленныхъ мнѣ еще провести въ жизни, въ эпоху часъ вооружить ими руку мою противъ ненавистнаго *Росвика* и принести его въ жертву моему мщенію! съ радостію бы потомъ отдавъ я остальные дни мои смерти за одну минуту сладостныхъ чувствъ удовлетвореннаго мщенія, они были бы драгоценною наградою мнѣ за сію жертву. Но кто теперь вступится за меня? кто дастъ мнѣ свою руку къ отмщенію, и предастъ мнѣ моего смертельнаго врага, чшобъ я могъ насладиться мученіями его смерти? О! я обожалъ бы сего мстителя, какъ небесное существо!“

Но объ удовлетвореніи сего мщенія не возможно было теперь больше и думать: близкая и грозящая опасность, въ которой находился теперь *Рино*, принуждала его какъ можно скорѣе спараться о безопасности

своей и удалился изъ своего прежняго жилища. Уже онъ намѣренъ былъ оставить его и начать свое путешествіе къ горѣ *Куллъ*, найди тамъ уединеннаго жителя на морскомъ берегу, который хранилъ его тайнства и былъ важнѣйшимъ участникомъ его злодѣйствъ, и попомъ развѣдашь, сколько можно, о своемъ *Гиральдѣ*, какъ вдругъ былъ чрезвычайно обрадованъ внезапнымъ прїѣздомъ послѣдняго.

Съ неописанною радостію бросился *Рино* на встрѣчу своему сыну, какъ скоро онъ вошелъ, и его почти погибшая надежда ожила въ немъ снова.

„Благодареніе Богу, что ты наконецъ возвратился! вскричалъ онъ; твое долгое отсутствіе повергло меня въ величайшее безпокойство. Гдѣ ты былъ столь долгое время? Видѣлъ ли *Рувольда*? какъ онъ принялъ тебя? исполнилъ ли мое приказаніе? вѣренъ ли еще онъ мнѣ? Гово-

ри же, опивѣчай, какое привезъ ты мнѣ извѣстіе?“

Гиральдо. Вы спрашиваете болѣе, нежели на что я могу опивѣчать вамъ вдругъ. Умѣрите ваше нетерпѣніе, и дайте мнѣ время удовлетворить вашему любопытству.

Рино. Опивѣчай мнѣ на одинъ только вопросъ: радостное ли привезъ ты мнѣ извѣстіе?

Гиральдо. Не совсѣмъ такое, какого вы желаете.

Рино. Какъ! что ты говоришь? или *Рулвольдъ* сдѣлался измѣнникомъ противъ меня?..

Гиральдо. Выслушайте меня, и судите попомъ сами, можете ли вы совершенно полагаться на его вѣрность?

Рино. Такъ говори, и не возбуждай болѣе моего любопытства: нашелъ ли ты *Рулвольда*?

Гиральдо. Я примѣтилъ еще при моемъ отъѣздѣ, что меня окружали нѣсколько шайныхъ людей, которые

встрѣчались безпрестанно со мною въ различныхъ подозрительныхъ видахъ, и преслѣдовали меня на моемъ пути. Чѣмъ чтобы избавиться отъ моихъ проводниковъ, и опвесить ихъ отъ моего предмета, выбралъ я другую дорогу, по которой и могъ доспичь уже гораздо позже, нежели я надѣялся, до цѣли моего путешествія; но моя предосторожность, казалось, была напрасна, и многія непонятныя явленія увѣрили меня совершенно, что я вездѣ былъ окруженъ этими тайными незнакомцами, которые не выпускали меня изъ глазъ.

Рино. Начало швоего извѣстія заславляетъ меня ожидать непріятныхъ слѣдствій.

Гиральдо. Различными, поспоронными дорогами доспичъ я наконецъ моего желаннаго предмета, и вездѣ въ горахъ искалъ уединеннаго *Рулвольда*; разослалъ много людей, чѣмъ чтобы узнать его жилище; но все было напрасно и никакъ не могъ мнѣ

ничего сказать о немъ. Наконецъ по долгомъ, бесполезномъ спараніи удалось мнѣ найсти одного работника въ горахъ, который за малое награжденіе привелъ меня къ скрытному и уединенному жилищу *Рульвольда*.

Рино. Какъ принялъ тебя *Рульвольдъ*?

Гиральдо. Совсѣмъ не такъ, какъ я ожидалъ. Я нашелъ въ этомъ уединенномъ жилищѣ человекъ поль дикаго и ужаснаго вида, чпо при взглядѣ на него не могъ не почувствовать тайнаго страха. Я далъ ему знать о себѣ, какъ о вашемъ сынѣ; но онъ не показалъ ни малѣйшей переменны въ своемъ обхожденіи со мною. Я примѣнилъ, чпо онъ сомнѣвался во мнѣ, и упопребилъ все, чпобъ доказать ему, чпо я вашъ сынъ, и чпо пришелъ къ нему опъ васъ съ предложеніями, сообщая между прочимъ ему многое, чпо вы мнѣ открыли изъ общеспельствъ вашей жизни. Казалось, чпо онъ напоследокъ переменилъ свои

первыя обо мнѣ мысли; но напрасно ожидалъ я ошъ него дружескаго взора и ласковаго пріема. — Съ ужасною холодноспію слушалъ онъ, когда рассказывалъ я ему, что съ нѣкошораго времени у насъ происходило, и что понудило васъ послашь меня къ нему съ предложеніемъ умершвишь своего невольника, чшобъ избавишь васъ шѣмъ ошъ опаснѣйшаго доказапельства вашихъ прошедшихъ дѣлъ. „Я почти уже обо всемъ эшомъ увѣдомленъ, ошвѣчалъ онъ мнѣ наконецъ, и поступилъ совершенно такъ, какъ велѣли мнѣ обшояпельства и моя собшвенная безопасность.“

Рино. Какъ! такъ онъ исполнилъ швои желанія, и изшребилъ эшого опаснаго для насъ заключеннаго невольника еще прежде, нежели услышалъ мое предложеніе?

Гиральдо. Его наружность зашпаляла меня ожидать эшого; но я не отваживаюся опредѣлшь, могушь ли такія ожиданія бышь вѣрны.

Рино. По чему?

Гиральдо. желалъ узнать отъ него короче объ этомъ невольникѣ; но онъ опивѣчалъ мнѣ: „Естьли вы подлинно *Гиральдо*, то вѣрно *Рино* уже открылъ вамъ содержаніе этой вѣренной мнѣ пайны.“ Тщешно старался я объяснить ему причины и обстоятельство, которыя препятствовали вамъ сдѣлать меня участникомъ вашей пайны. Я не могъ получить отъ него никакого объясненія; я просилъ, чтобъ онъ по крайней мѣрѣ показалъ мнѣ своего невольника. „Вы опоздали, былъ его опивѣтъ; теперь уже не въ моей власти удовлетворить вашему желанію: мой невольникъ не зависить болѣе теперь отъ меня; его уже нѣтъ.“

Рино. Я начинаю опять дышать свободнѣе. И такъ знай, сынъ мой! естьли нѣтъ болѣе этого, ненавистнаго невольника, то большая часть моего мщенія *Росвику* исполнена.

Гиральдо. Но кто увѣритъ васъ, что это точно правда?

Рино. Собственная безопасность *Рулвольда.*

Гиральдо. Позвольте мнѣ кончить, и вы будете судить иначе.

Рино. Не уже ли *Рулвольдъ* обмануль тебя? это ужасно!

Гиральдо. Продолжительная его холодность, мрачное и опиврашительное обхожденіе со мною возбудило во мнѣ подозрѣніе къ нему; каждый часъ опасался я его: безпреспанная оплучка и наблюдательный его взоръ замною умножали еще болѣе мои подозрѣнія и принудили меня думать о средспвахъ, какъ бы опять отъ него удалишься; но онъ подъ разными предлогами умѣлъ удерживать меня. Я примѣнилъ послѣ нѣсколько подозрительныхъ людей, которые безпреспанно скипались въ окружности *Рулвольдова* горнаго жилища, и имѣли казалось, тайныя намѣренія прошивъ меня, что принудило меня

быть крайне оспорожнымъ въ разсужденіи себя и своей безопасности, и оставивъ его какъ можно скорѣе. Однажды, послѣдую пихо за *Рулвольдомъ*, увидѣлъ я его разговаривающаго тайно съ однимъ человѣкомъ, и услышалъ, какъ они довольно ясно произносили мое имя. Я возвратился не примѣченъ *Рулвольдомъ* назадъ, и не ожидал его, приготоуился поспѣшь въ дорогу и уѣхалъ тайно опть него къ вамъ назадъ.

Рино: Еспьлит эптошь *Рулвольдъ* измѣнилъ мнѣ, по все для меня потеряю; но я не опасуюсь эптого: онъ слишкомъ надежно соединенъ со мною, и запушанъ въ мои планы, чпобъ не могъ опасаться опть измѣны ко мнѣ ужаснѣйшихъ для себя слѣдствій, попому чпо мое паденіе неминуемо вовлечеть и его въ погибель.

Гиральдо.. Увѣрены ли вы въ тошь, чпо *Рулвольдъ* не имѣеть средствъ съ помощію пѣхъ, копорые по видимому состоятъ съ нимъ

въ союзѣ, избавишься отъ угрожающей опасности ?

Рино. Еслили подозрѣніе швое справедливо, то не должно терять намъ времени опважиться на все, чпобъ произвестъ въ дѣйство наше мщеніе пропивъ прокляпаго *Росвика*.

Рино послѣ разговора увѣдомилъ *Гирильда*, чпо происходило во время его опсуществія въ его уединеніи и сполицѣ, и чпо безпокойство довело его до высочайшей степени. Эти новосты о столь важныхъ для нихъ произшествіяхъ возбудили и въ *Гиральдѣ* заботу и безпокойство и весьма чувствительнао унизили его надежды.

„Весь эпощъ ходъ произшествій, сказалъ онъ своему опцу, ясно показываетъ мнѣ, чпо мы почно имѣемъ дѣло съ опасными соперниками, которые всѣ ваши планы и предпріянія пропивъ *Росвика* должны знать весьма точно, и кажется имѣющимъ довольно силы и власпи раз-

зорить зданіе нашихъ надеждъ и желаній.“

Рино. Мы тогда только поперемъ все совершенно, когда не будемъ имѣть больше отважности. Опасности, которыя окружаютъ насъ, должны больше возбуждать въ насъ мужество, и придавать намъ новыя силы вооружаться твердостію противъ угнѣтающаго насъ жребія. Презирая его, мы увѣнчаемъ наши давно начатыя намѣренія щасливымъ успѣхомъ. Или для себя ничего не стоить опказаться опъ того, что я для себя приготовилъ? Можешь ли ты равнодушно смотрѣть, что плоды столь многихъ трудовъ моихъ, и мои столь искусно разположенныя намѣренія, будутъ уже при самой цѣли своей разрушены?

Ты опредѣлень былъ мною, чтообъ, низвернувъ *Росвика* съ вершины щасія, вознесши себя изъ праха ничтожности, въ которую низвергъ насъ эшотъ злодѣй, на верхъ досто-

инспѣвъ и почестей въ новомъ блескѣ и славѣ; ты опредѣленъ былъ мною быть знаменистымъ и почтеннымъ мужемъ, господиномъ и обладателемъ имѣнія моего врага и умножишь блескъ своего щасія и радости союзомъ съ *Миноюю*, и теперь можешь ли ты опровергнуть, все это опъ пустяго спраха и обмановъ неизвѣстныхъ намъ соперниковъ, не извѣдавъ о семъ ни малѣйшихъ обстоятельствъ; и щасливый *Олмаръ*, воспользуясь своею слабостію, получилъ и руку *Минойы* и сокровища отца ея!

Гиральдо. Нѣтъ, никогда! эта мысль можетъ привести меня въ бѣшенство и заставитъ предпринять отчаянныя намѣренія: дайте мнѣ время рѣшиться на что-нибудь.

Рино. Мы не имѣемъ много времени, и на что рѣшиться, должно быть произведено скоро въ дѣйство, еслили не хочешь, чтобъ ожадность, висѣщая надъ нами, насъ предупредила.

Гиральдо. Но какъ отвратишь эту опасность?

Рино. Выслушай мои намѣренія.

Гиральдо. Позвольте напередъ узнать, какое вліяніе имѣешь *Рулвольдъ* и *пайна*, которую онъ сохранялъ въ своемъ уединеніи, на насъ?

Рино. Это ты также узнаешь; но теперь не станемъ терять времени, которое для насъ столь драгоценно, въ пустыхъ удовольствіяхъ любопытству довольно для тебя этого. *Рулвольдъ* прежде былъ въ службѣ у *Росвика*; я сдѣлалъ его измѣнникомъ пропивъ господина его, подкупивъ подарками, и запусавъ какъ можно въ мои мспительныя намѣренія и сѣпши; сынъ *Росвика* былъ похищенъ, и окровавленная одежда его, найденная въ лѣсу, утвердила мнѣніе, что онъ умерщвленъ. *Эдгардъ* былъ на вѣки опдаленъ отъ своего опца. Я былъ увѣренъ, что еспли глубокая горестъ и опчаяніе машерит о поперѣ своего сына не умерщвили

ее в скорбь, но все равно она сдѣлается жертвою смерти опъ долгаго спраданія и горести, кошорой ядъ долженъ разлихся въ ея сердце и испребишь въ ней всѣ радости, пипавшія ее. Таковы были намѣренія мои и успѣхи ; но ненависпный *Росвикъ* еще мало наказанъ ; онъ долженъ лишиться всего, въ чемъ онъ полагаетъ свое щаспіе, и тогда мое мщеніе будетъ удовлетворено совершенно.

Гиральдо. Какъ, бапюшка! убійство *Эдгарда* было произведено вами?

Рино. Безъ сомнѣнія; но я умѣлъ обмануть *Росвина*, сложивъ вину преспуленія на его друга, изгнаннаго и проклятаго *Волдемара*, и опдаливъ такъ удачно опъ себя всякій видъ участія въ этомъ дѣлѣ, разсуждалъ я о новыхъ средствахъ къ гибели моего врага. Въ моемъ шихомъ уединеніи я опкрою себѣ все; но теперь прекратимъ этотъ разговоръ, и спанемъ думать о сред-

ешвахъ, чтобъ достигнуть нашихъ намѣреній.

Гиральдо. Научите, что должно мнѣ дѣлать?

Рино. Скажи мнѣ напередъ, увѣренъ ли ты въ своемъ другѣ *Моло*, и можешь ли положишься на него совершенно?

Гиральдо. Во всемъ.

Рино. Онъ будетъ намъ нуженъ для произведенія въ дѣйство нашихъ предпріятій.

Гиральдо. Я стараю ось непрерывнѣя слышать ихъ.

Рино. Они вѣрны, еспьли будутъ произведены въ дѣйство съ благоразуміемъ и смѣлою рѣшительностію. Знай, сынъ мой! что единственное средство отвратить ось насъ угрожающую намъ бѣду еспь смерть *Росвика* — злодѣй эшотъ долженъ умереть; онъ жилъ уже слишкомъ долго, чтобъ поколебать наше намѣреніе.

Гиральдо. Я согласенъ ось всего сердца на шаковое предложеніе; но

подозрѣніе убійства *Росвикова* падеть на насъ.

Рино. Объ этомъ не заботься; я имѣю извѣстія, что *Олмаръ* уже возвратился опять въ свой Замокъ, и онъ - то самый поможетъ намъ оправдаться отъ насъ подозрѣніе.

Гиральдо. Какимъ образомъ?

Рино. *Росвикова* ненависть пропавъ *Олмара* будетъ превращена въ нашу пользу; — имѣй ее въ предметъ, и произведи только съ благоразуміемъ и осторожностію весь планъ. — *Олмаръ* привязанъ еще всею душою къ *Мионѣ*, и занимается день и ночь срединами увидѣться съ нею. Обнадежь *Олмара* исполнить его желаніе; проведи его самъ въ *Росвиковъ* Замокъ, и когда онъ будетъ въ объятіяхъ *Мионы*, старайся между тѣмъ, чтобы *Росвикъ* и нѣкой товарищъ на него напали; тогда ударъ княжала освободитъ насъ отъ него навсегда, и тогда вся вина убійства падеть на *Олмара* и никто не бу-

дешь обвиняшь или поносишь себя за то. Если ты въ первомъ жару своего гнѣва поразишь убійцу своего благодѣшеля, смерть заспавишь его молчашь вѣчно. Если только два врага сіи не будутъ существовать больше, то мы будемъ избавлены отъ всѣхъ опасностей.

„Га! проклятые изверги!“ вскричалъ вдругъ голосъ позади ихъ. *Гиральдо* и *Рино* въ величайшемъ изумленіи оцѣпенѣли отъ страха, какъ вдругъ дверь разлѣтелась на части и *Росвикъ* съ скарцемъ, который передъ симъ увелъ его съ собою, вошелъ въ хижину съ пылающими отъ гнѣва взорами.

„Такъ эшотъ - то былъ твой планъ, проклятый! продолжалъ *Росвикъ*. Великій Боже! сколь ужасно было мое несчастное ослѣпленіе! Но препещише, злодѣи! препещише моего мщенія!“

Гиральдо старался какъ можно скорѣе придти въ себя изъ своего

изумленія , и съ яростію бѣшенато успремился съ кинжаломъ на *Росвика*; но спарець , пушеводишель сего послѣдняго , предосперегъ его опъ удара , и схвапивъ *Гиральда* за грудь , съ исполинскою силою повергъ его на землю.

Росвикъ изумлень , смосрѣлъ на старца , и прежде нежели успѣлъ понять загадку , запрубилъ сей въ рогъ , копорый умѣлъ скрышь подъ плашьемъ , и въ шу самую минушу вбѣжало въ комнашу множество незнакомыхъ вооруженныхъ людей , копорые , по мановенію старца , связали обоихъ злодѣевъ и увлекли съ собою.

Росвикъ споялъ въ изумленіи и неподвиженъ взиралъ на старца въ сомнишельной неизвѣспности , вѣришь ли своимъ глазамъ , или все произшествіе еспъ одна шолько игра воображенія.

„Ободрись! сказалъ ему спарець , подавая дружески свою руку , имѣй шерпѣніе еще на коропкое время ,

и всѣ эти таинства для тебя будущи открыты. Теперь ты выведенъ вѣроянно изъ своего заблужденія и твоей долгъ есть, вознаградишь все по *Олмару*, чѣмъ ты долженъ его невинному и несчастному опцу!“

„Спупай въ твой Замокъ, и спокойно ожидай развязки и твоей радости, которую я для тебя приготовилъ; будь каждую минуту готовъ, еслили я позову тебя и пришлю къ тебѣ *Олмара* показать дорогу тебѣ въ то мѣсто, гдѣ ожидаетъ тебя развязка всѣхъ прошедшихъ и таперешнихъ происшествій. Не опасайся ему вѣрить себя и слѣдовать за нимъ, куда рука его поведетъ тебя. До тѣхъ поръ просни, будь благополученъ! какъ примиренные друзья мы увидимся.“

Онъ обратился и исчезъ мгновенно въ дверь прежде, нежели *Росвикъ* имѣлъ время остановить его.

Конецъ V Книжки.

У Л Л О,

ГОРНЫЙ БАРДЪ.

КНИЖКА ШЕСТАЯ.

Любовь въ терпѣніи находитъ утѣшенъе,
И въ вѣрности своей за вѣрность награжденье.

К.

нѣ.

XXIII.

Въ сильномъ движеніи прибылъ Росвикъ въ свой Замокъ. *Минона* съ *Эддою* ленивъли ему на встрѣчу; онъ съ изумленіемъ опступили, увидя его въ спрашномъ положеніи. *Росвикъ* взялъ *Минону* за руку и съ чувствомъ горячности прижалъ ее къ своей груди.

„Любезная дочь! сказалъ онъ ей, просни своему обманутому, ослабленному опцу, что онъ сдѣлалъ себѣ сполько горестей. О! я спрашно пробужденъ изъ моего очарованія! Горе пѣмъ, отъ коихъ оно происхо-

дило, и которые заславили меня быль несправедливымъ, чего загладишь для меня почти уже не возможно. “

„Боже мой! вскричала *Минона*, еспльи радосное предчувствіе не обманываетъ меня, по вы вѣрно увѣрены въ невинности *Олмара* и вы не ненавидите, не проклинаете его болѣе!“

„Проклинаешь его? возразилъ *Росвикъ*. О! еспльибъ я могъ забыть мою ужасную несправедливостъ во вѣки! Нѣтъ, дочь моя! я не проклиная болѣе *Олмара* и не ненавижу его; съ глубокимъ разкаяніемъ я признаю мое несчастное ослѣпленіе, и благо мнѣ, еспльи *Олмаръ* шакъ охотно проститъ меня, какъ охотно желаю опять поправитъ все, и ушвердитъ союзъ сердець вашихъ. “

„О, родитель мой! вскричала *Минона* съ сильнѣйшимъ изступленіемъ радоснаго восторга, вы желаете этого? вы не прощивитесь любви

моей къ *Олмару*? — *Олмаръ* будешь моимъ. “

„Твой, швой на вѣки!“ отвѣчала *Росвикъ*, обнимая ее пламенно, и увѣдомляя ее между прочимъ о происшествіи съ старцемъ и съ *Рино*.

Погруженъ въ глубокое размышленіе о будущемъ, находился *Олмаръ* въ своей комнаѣ уединенъ въ глубокую полночь. Его воображеніе занималось единственно *Миноюю*, и представляло ему прелестныя мечты будущаго въ новомъ, оживающемъ его щастіи, какъ легкой шумъ у двери пробудилъ его изъ сладкаго забвенія. Онъ подошелъ къ двери, чтобъ узнать причину шороха, и кто можетъ описать его радостное изумленіе, когда онъ увидѣлъ, что *Улло*, Горный Бардъ, съ своею златоспружною арфою и съ кропкою улыбкою шелъ къ нему на встрѣчу.

„Всемогуцій Боже! вскричала *Олмаръ*, слыли это, въ самомъ дѣлѣ, почтенный старецъ! Я вижу нако-

нець опянь тебя. Что значить энопь неожиданный приходъ швой ко мнѣ въ такое время, когда я не ожидаль тебя?“ — „Радость и щасіе, сынъ мой!“ отвѣчаль *Улло*, подавая ему руку свою.

„Да будешь же тысячу разъ благословенна минуша сія, посланникъ міра! вскричаль *Олмарь* и повергся въ его объятія.“

„Знай, ~~сынъ мой!~~ сказаль ему *Улло* послѣ долгаго сердечнаго объятія, давно желанная минуша щасія наспушила, въ которую нопь паниспвенный покровъ, который скрываль меня и связь происшествій, могу я свергнушь предъ швоими зорами и показашь себя въ настоящемъ моемъ видѣ. Чась мщенія пробиль; *Рино* и *Гиральдо*, сін два злобные злодѣя, уже низвергнушы въ прахъ ничтожества, и теперь могу я сняшь мою маску. Знай, что нопь живель ужасныхъ пещерь въ скалахъ *Хиллы* и *Улло*, Горный Бардъ одинъ и все

ночь же! обними ихъ обоихъ въ объѣмъ твоимъ: я твой отецъ!!“

Съ полнымъ выраженіемъ пламеннаго восторга порвется *Олмаръ* въ объятія отца и въ изъявленіяхъ радостнаго щастія непримѣнно пролетѣли надъ ними часы ночи.

„Мнѣ еще все темно и непонятно, что я прежде и въ послѣдствіи слыхалъ объ васъ, и видѣлъ самъ, бапюшка! говорилъ *Олмаръ*: я не поспигаю, какъ вы много производили чудесъ, копорья, казалось, превосходили силы человѣческія.“

„Это все будетъ для тебя понятно, возразилъ *Улло*, еснбли я скажу тебѣ, что все это было основано на искусствѣ, копорому весьма помогали разные ужасные слухи, копорые носилемъ въ народѣ о духахъ, обитавшихъ въ подземельяхъ *Хиллы*, и копорыми къ сожалѣнію я долженъ былъ воспользоваться для собственнй моей и твоей пользы и безопасности, какъ ни больно было мнѣ различ-

ными обманами подшверждать рассказы и давашь новую пищу суевѣрію.“

Отмаръ. Но искусство, съ копорымъ вы все это производили..

Улло. Было очень легко. Моя неприязненная судьба сдѣлала меня начальникомъ такихъ людей, копорые зависѣли отъ моей воли, и съ помощію копорыхъ могъ я производить то, что казалось превосходило все естественное. Вспомни нападеніе на себя въ лѣсу, не далеко отъ горы *Хиллы*: это нападеніе велѣлъ сдѣлать я нарочно на себя, попому что мнѣ должно было дѣйствовать на себя чѣмъ-нибудь чрезвычайнымъ, чтобъ выиграть свою опкровенную довѣренность. Люди, копорые напали тогда на себя, были избраны мною изъ моихъ подчиненныхъ, и вся эта сцена было одно искусство.

Отмаръ. Я не ожидалъ этого.

Улло. Мое несчастіе удерживало меня отъ того, чтобъ себя опкрышься, и бышь тогда же при себя,

и для того я окружилъ тебя моими вѣрными людьми, а самъ былъ всегда подъ различными видами подлѣ тебя и *Гиральда*. Я наблюдалъ за симъ послѣднимъ и его опцемъ со всею прилѣжностію и подслушивалъ всѣ ихъ намѣренія и разговоры такъ искусно, что не было ни одного шага ихъ, который бы не былъ мнѣ извѣстенъ. Чрезъ меня пропали письма и доказательства у *Рино*, которыя такъ ясно обнаруживали его злодѣйства и бездѣльничества. Чрезъ мою неусыпность также удалось мнѣ открыть намѣренія, которыя должны были погубить тебя и *Росвика*, и ихъ уничтожить, и наконецъ послѣдній умысль, который долженъ былъ умертвить тебя и *Росвика*, обратилъ на нихъ самихъ.

Олмаръ. Благодарю васъ, батюшка! Но я не понимаю, какъ могли въ вашемъ уединеніи и въ совершенномъ опдаленіи опъ свѣта уни-

чтожишь хипрось поль тонкаго злодѣя, каковъ *Рино*?

Улло. Чѣмъ ужаснѣе злодѣй, тѣмъ онъ боязливѣе и препенѣе; пошому что спокойствіе и безпечность сущь плоды чистой шокмо совѣсти. — *Рино* былъ чрезвычайно глубоко погруженъ въ пороки, и не могъ, взирая на пришворное его спокойствіе и безопасность, бытъ въ самомъ дѣлѣ шаковымъ, и не нечувствовашь безпреспаннаго безпокойсва и заботъ. Я упошребилъ немедленно это въ свою пользу, чтобъ содержашь его въ безпреспанномъ спрахѣ; угрожалъ отккрышiemъ его злодѣйсва; отшвращалъ его отъ скорыхъ и дерзкихъ прѣдпріашій, которья могли вредить моимъ намѣреніямъ; я упошребилъ проспонародныя басни о спрашлицахъ горы *Хиллы*, и время отъ времени пугая его различными привидѣніями, пріуготовилъ между тѣмъ все къ его паденію.

Олмаръ. Но что значило это, бапюшка, что вы, имѣя споль много доказательствъ его злодѣйствъ въ вашихъ рукахъ, не низвергли прежде сего злодѣя? — Для чего прибѣгали вы къ такимъ пруднымъ планамъ и не публично признали его своимъ врагомъ, коего бездѣльничество было причиною вашей гибели?

Улло. Какъ я могъ сдѣлать это, покуда еще мнѣ приписанный видъ злодѣйства не былъ доказанъ, и я признанъ невиннымъ? — Я самъ долженъ былъ прежде совершенно бытъ оправданъ и моя честь очищена отъ поношенія, нежели я могъ публично объявить его бездѣльникомъ; но Небеса вняли моимъ пламеннымъ моленіямъ и увѣнчали спаранія моихъ друзей. Подлая сѣпи хипроспн и злобы, копорыя окружали меня, опкрышы; тайныя злоумышленія моихъ ~~не~~пріятелей обнаружены; спрогое мщеніе правосудія лепаетъ надъ злодѣями, и въ темницѣ ожидающъ

они воздаянія, ими столь справедливо заслуженнаго. — Нещасный *Волдемаръ* теперь оправданъ и числится опять поношенія. Его невинность въ донесенныхъ на него преступленіяхъ признана, и публичный зовъ загремитъ во всѣхъ странахъ Государства, который будетъ долженъ возвратитъ его къ Монарху, чѣмъ получитъ награду за понесенное имъ нещастіе и невинное гоненіе.

Олмаръ. Такъ не медлите, бабюшка, слѣдуйте гласу его, и лучше получите обратно потерянное.

Улло. Но какое воздаяніе можетъ награждать мою потерю? Я все потерялъ невозвратно; я разспался навсегда съ свѣтомъ; мое нещастіе удалило меня отъ людей, и я не могу и не смѣю опять присоединиться къ нимъ. Въ тишинѣ моего уединенія хочу я провести остатокъ дней моихъ, и тамъ радоваться; что ты пожнешь плоды моихъ стру-

довъ, копорыми уже я не могу пользоваться.

Олмаръ. Какъ, бапюшка! вы хопите лишить меня удовольствія жить вмѣстѣ съ вами въ будущемъ?

Улло. Обвиняй въ помъ судьбу мою. Я долженъ опказать шебѣ въ эпомъ удовольствіи, и еспьли долженъ испинно радоваться нашему будущему свиданію, клянись мнѣ шоржеспвенно никому не опкрывать уединеннаго пребыванія швоего опца; моя собспвенная безопасность пребуешъ опъ меня эшого.

Олмаръ. Эшо будешъ горестно моему сердцу; но я долженъ принудить себя повиноваться вашей волѣ, еспьли эша сокровенность необходима для вашей испинной безопасности.

Улло. Точно нещаснаго *Волдемара* оправдали; но ужаснаго *Улуу*, горнаго Барда, предводитиеля спрашилищъ, обитающихъ въ пещерахъ горы *Хиллы* и ужасающихъ странниковъ, не оправдають такъ легко;

но я увѣренъ въ своей невинности: одни обспояшельства во всемъ меня принуждали, слѣдовательно обспояшельства могутъ и оправдать меня, и для того ты съ такою же покорностію повинуйся волѣ нашего жребія, какъ я, и оставь меня жить въ уединеніи и неизвѣстности. Спрашилица подземельевъ Хиллы теперь исчезнутъ, и духи полунощные престанутъ теперь терзать несчастныхъ странниковъ. Примиренный съ этимъ непріязненнымъ жребіемъ найду я въ моемъ уединеніи потерянный душевный миръ, и буду радоваться въ тишинѣ щастію дѣшей моихъ; радость и веселіе процвѣтающихъ вашихъ дней уже начинающъ блистать юнымъ свѣтомъ. Этого Замокъ съ его окрестностями, копорый нѣкогда принадлежалъ отцу моему, чрезъ двойныя права принадлежитъ теперь тебѣ, и ты можешь публично, какъ сынъ и наследникъ оправданнаго несчастнаго

Волдемара, вступивши во всё мои права. *Росвикъ* самъ вручилъ тебѣ свою дочь, и увѣнчаетъ любовь вашу вѣчнымъ, неразрывнымъ союзомъ, и ничто болѣе не возмутитъ никогда вашего спокойствія.

Олмаръ. Развѣ *Росвикъ* обо всемъ уже увѣдомленъ и увидѣлъ свое заблужденіе? развѣ желаетъ онъ прекратить несправедливую ко мнѣ ненависть, и хочетъ ошастливить меня союзомъ съ *Миноюю*?

Улло. Уже посланный звалъ тебя въ *Росвиковъ* Замокъ недалекъ отсюда. — *Росвикъ* неперпѣливо ожидаетъ той минутой, въ которую онъ можетъ признаться тебѣ въ своемъ пагубномъ ослѣпленіи и загладишь проступокъ, который онъ прошивъ тебя сдѣлалъ. — Теперь выслушай мое послѣднее предложеніе: я приготовилъ *Росвику* еще великую, неожиданную радость, и такъ скрой отъ него перешнее наше съ тобою свиданіе, и оставь мнѣ сдѣлать ему

развязку всѣхъ прошедшихъ сценъ; будь каждую минушу гонимъ, еспьли я позову тебя, и еспьли услышишь послѣдніе звуки этой арфы, то послѣдуй за ними съ *Росвикомъ*, не опсшавая, куда они поведуть васъ. Упро начинаеть показывапись, я не могу медлить долѣе здѣсь, мнѣ еще многое должно приготоовипись къ завщрешнему дню, и я спѣшу возврапипись назадъ въ свое подземелье. Теперь успокойся немного, и прежде нежели солнце заидеть за сіи западныя горы, все будетъ исполнено. Мы скоро увидимся; но погда, сынъ мой! не дѣлай ни одного вопроса, не предлагай ни одного желанія. Проспи и будь покоень, ожидая сладосшнаго часа швоего щаспія.

Онъ прижалъ *Олмара* къ своему сердцу и поспѣшно удалился.

XXIV.

— Радость и спокойствіе возвратились наконецъ олять въ Замокъ

Росвика перемѣна его чувствъ къ *Олмару*, и совершенно другой видъ въ его поступкахъ придавали всему чрезмѣрную пріятность. Радость и восхищеніе сіяли въ глазахъ *Мионы*, и благодушное чувство наступающаго щастія въ союзѣ съ любезнымъ ея *Олмаромъ* возвышало ея душу и разливало новую живость въ ея прелестяхъ.

Росвикъ при возвращеніи своемъ тотчасъ старался узнать о мошенникѣ *Молто* и о нѣкоторыхъ его поварихахъ: но всѣ его поиски были напрасны; ни гдѣ не могли узнать о немъ, и онъ казался вдругъ исчезнувшимъ съ нѣкоторыми изъ подчиненныхъ *Росвика*, и эта внезапная пропажа, случившаяся въ Замкѣ, увеличила еще болѣе подозрѣніе въ его злодѣйствѣ.

Росвикъ скоро успокоился въ разсужденіи этого, по причинѣ многихъ важнѣйшихъ обстоятельствъ, которыя обратили на себя его вниманіе.

Книж. VI. Б

маніе, и принудили оставишь попеченіе въ разсужденіи шѣхъ злодѣевъ. Все желаніе его успрямлено было на то, какимъ бы образомъ загладишь ему свой просупокъ и несправедливосшь прошивъ своего несчастнаго друга *Волдемара*, по крайней мѣрѣ хопя предъ его сыномъ. Чистосердечны были его желанія, чшобъ *Волдемаръ* еще былъ живъ, и чшобъ онъ получилъ случай самъ ему признашься въ причиненной несправедливосши, и заключишь новый союзъ дружбы; однакожь онъ не смѣлъ пишашъ сей леспной надежды, пошому что всѣ обстоятельствова оправдывали изгнаніе и несчастіе *Волдемара*, и что сей, не будучи въ соспоянїи сносишь суровосши своего жребія, наконецъ палъ подъ его ударами.

Эша мысль огорчила *Росвика*, и исполнила его сердце глубокою печалію, которую одинъ радостный взоръ дочери шолько разогнашь былъ въ силахъ. Будучи въ соспоянїи воз-

наградить то, что нѣкогда у *Волдемара* похитилъ своими гоненіями, онъ хотѣлъ по крайней мѣрѣ по смерти оправдать его честь и шѣмъ примирить съ собою прахъ несчастнаго. Онъ рѣшился ѣхать немедленно въ Столицу къ Монарху, признавъ предъ нимъ свое заблужденіе, и представивъ ему *Волдемара*, какъ несчастную жертву злобы враговъ, и шѣмъ болѣе доказать его невинность.

Миона почиала себя шеперь гораздо щасливѣе, пошому что имѣла въ *Эддѣ* шакого друга, кошорому могла изливашъ въ полношѣ свои чувства и дѣлишъ съ нею всѣ скорби и радости. Она лежала въ объятіяхъ своей подруги и занималась вмѣстѣ съ нею прелесными мечшами своего щассія, какъ дверь ихъ разшворилась и *Олмаръ* съ *Росвикомъ* вошли въ оную. Въ живѣйшемъ восхищеніи бросилась *Миона* въ объятія своего любезнаго, и оба въ восхищительномъ безмолвіи торжествовали минушу

вновь наступившаго ихъ щаспія. Подлѣ нихъ стоялъ *Росвикъ* и безмолвно наслаждался прелестнымъ зрѣлищемъ ихъ свиданія.

„И я принадлежу въ союзъ вамъ, сказалъ онъ, заключая ихъ въ свои объятія, дайте мнѣ на груди вашей почувствовать блаженство добраго отца!“

Олмаръ и *Миона* прижали его въ своихъ объятіяхъ. Сильно бились сердца ихъ, и слезы умиленія и благодарности блистали въ радостныхъ ихъ взорахъ.

„Простишь ли ты мнѣ, сынъ мой! сказалъ *Росвикъ* *Олмару*, простишь ли мнѣ ту несправедливость, которую я прошивъ тебя сдѣлалъ?“

„Бапюшка! вскричалъ пронутый *Олмаръ* — пламенные поцѣлуи препящивовали ему говорить болѣе. Прочь, сказалъ онъ, прочь печальное воспоминаніе о прошедшемъ. Сей блаженный часъ заспавляетъ меня забыть всѣ прешерпѣнныя мною го-

респи, одна чистая радость да царсвуешь шеперь въ сердцахъ нашихъ!“

Олмарь переходилъ изъ объятій своей любезной въ объятія ея родишеля и попомъ своей милой сеспры, и все швореніе улыбалось вокругъ сихъ щасшливыхъ любовниковъ. Наконецъ первыя спремленія восшорга начали ушихашъ и чувсшво крошкаго удовольствія засшупило ихъ мѣсшо. *Росвикъ* рассказывалъ имъ попомъ свои предпріятія въ разсужденіи ихъ союза, и часы, непримѣшно пролетая надъ очарованными любовниками, показывали наконецъ наспугающій вечеръ.

Уже солнце начинало склоняшъся за гранишныя ушесы западныхъ горъ, и колоссальныя ихъ тѣни просшерлись далеко въ долину, какъ вдругъ звуки *Улловой* арфы раздались вблизи ихъ и вывели ихъ изъ сладосшнаго забвенія.

Олмарь вырвался изъ объятій *Миной* и вскричалъ съ восшоргомъ;

„Радуйшесь, бапюшка! эпи звуки призываюшъ васъ къ новой неизъясьимой радости и щаспію, васъ ожидающему; послѣдуйте имъ немедленно; дайте мнѣ вашу руку; здѣсь встрѣшите вы ваше щаспіе.“ — „Куда ты ведешь меня?“ спросилъ его *Росвикъ*. — „Я еще не знаю того мѣста, возразилъ *Олмаръ*; но сія гармонія будетъ нашею пугеководительницею, и я могу напередъ увѣришъ васъ, что она покажетъ вамъ, мнѣ и всѣмъ намъ путь къ общему нашему благополучію.“

„Хорошо, я слѣдую за тобою, сказалъ рѣшительно *Росвикъ*, и не сомнѣваюсь въ призываніи сихъ очаровательныхъ звуковъ, которые уже давно примѣчательны; да опкроюли они намъ истинно желанный путь къ разрѣшенію сихъ таинственныхъ произшествій, въ которыхъ заключены такъ тѣсно наши обстоятельства.“

„Вы хотише оставишь меня, сказала *Минона*, смогря умоляющимъ взоромъ на *Росвика*; позволите и мнѣ послѣдовать за вами, бапюшка!

„Я думаю, прервалъ *Отмаръ*, что присушествіе *Миной* и *Эдды* припомъ, что насъ ожидаетъ, не будетъ излишно, и прошу васъ, бапюшка! исполнише ихъ прозбу, возьмемъ ихъ съ собою.“

Росвикъ былъ очень радъ исполнишь его предложеніе, и ни мало не медля, отправились они въ путь.

XXV.

Съ напряженными чувствами ожиданія спускался *Росвикъ* съ милыми ему дѣльми съ горы опъ своего Замка и проходилъ долину. Нѣжно, подобно кропкому вѣянію нѣжнаго зефира, неслась передъ ними очаровательная гармонія арфы изъ-за кустовъ всегда въ одинакомъ распоя-

ніи опъ нихъ, но ни гдѣ не могли они замѣпить игравшаго на ней духа.

Дорога шла чрезъ кустарникъ и сквозь цѣпь горъ къ той сторонѣ, которая граничила съ страшною горою Хиллою. Пламенно забилось сердце *Олмарово* при ея видѣ. Исполненный кропкаго ожиданія, быспрѣе направилъ онъ шаги свои съ *Росвиномъ*, *Миноюю* и *Эддою* къ ея высокимъ ушесамъ.

Наконецъ они достигли въ средину ушесовъ. Звуки арфы умолкли, и ихъ молчаніе дало знашь *Олмару*, что онъ съ друзьями своими дошелъ до опредѣленнаго мѣста и цѣли ихъ пупешествія. Окружены дикимъ шерновникомъ спояли они неподвижно, не зная, что должно было имъ дѣлать, какъ вдругъ призракъ горнаго Барда поднялся предъ ними изъ кустовъ, и почтенный спарець далъ имъ знакъ слѣдовать за собою.

Олмаръ лешѣлъ на вспрѣчу дружественному спарцу, и *Миона* съ

Эддою и Росвиномъ послѣдовали за нимъ. Дружески просперъ Улло имъ свою руку и повель ихъ на другую сторону утеса, гдѣ закрытое густыми куспами ошверснїе открылось предъ ними, и показало имъ входъ въ пещеру. *Минона* съ робоспїю прижалась къ *Олмару*, когда взглянула въ эту мрачную бездну. Улло замѣшилъ это и сказалъ ей, чшобъ она безъ всякой робоспи слѣдовала за нимъ. Медленно спускался онъ въ глубину мрачной пещеры, и всѣ слѣдовали за нимъ, хотя не безъ сердечнаго пренепа.

Проводникъ съ факеломъ ожидалъ ихъ у шѣснаго входа въ подземельѣ, и освѣщаль имъ дорогу. Въ безмолвіи шель Улло впереди ихъ между узкихъ, гранишныхъ ходовъ, и зошелъ вверхъ въ черную пещеру, гдѣ покоился прахъ мапери *Олмара*. Восковыя свѣчи изливали всюду блѣдный, какой-то унылый свѣпъ, приводящїй душу въ мрачную гореспь. Улло спаль на

ступень надгробія: „Духъ умершей супруги! вскричалъ онъ, возри на насъ, сладостная минуша мщенія нашему гонителю наступила!“

„Мщеніе! сказалъ *Росвикъ*, кому это мщеніе?“ ...

„Тебѣ, возразилъ *Улло*; но не спрашисъ: мщеніе мое тебѣ будетъ такое, какое свойственно благородной душѣ. *Росвикъ*! бѣдствія, которыми ты обременилъ насъ, безконечны: ты помогъ моимъ врагамъ поржеспвовать надо мною; ты принудилъ меня скрыться въ сіи подземелья, и скипашься какъ преступника; ты разлучилъ меня съ людьми, и похитилъ мое блажеспво; знай наконецъ, *Росвикъ*, что это надгробіе сокрыло прахъ той, которую твои гоненія сдѣлали жертвою преждевременной смерти!“

„Праведный Боже! вскричалъ *Росвикъ*, содроднувшись, кто ты?“

„Или долговременныя спраданія и горестъ, почившая мое сердце,

обезобразили такъ черпы моего лица, что ты не узнаешь ихъ болѣе въ этой одеждѣ? спросилъ Улло. “

Росвикъ успремилъ на него неподвижные, сомнишельные взоры, и *Улло*, сбросивъ накладную бороду и одѣжду, подошелъ къ нему: „*Волдемаръ!* вскричалъ *Росвикъ* съ величайшимъ изумленіемъ, и не подвиженъ какъ прикованный къ землѣ стоялъ онъ на мѣстѣ.“ — „Такъ, я *Волдемаръ*, несчастный, изгнанный, угнѣпенный *Волдемаръ*, котораго незаслуженный имъ несчастный жребій вовлекъ въ сіи мрачныя подземелья! твоя рука свергнула меня въ погибель; но теперь мы позналъ свое ослѣпленіе, и глубокое раскаяніе въ причиненной мнѣ несправедливости примиряешь тебя совершенно со мною — я прощаю тебя!“

Онъ простеръ къ нему объятія, и *Росвикъ* повергся на грудь его. „Бѣдный, несчастный мой другъ! вскричалъ онъ послѣ долгаго сердеч-

наго объятія, естлибъ ты могъ видѣть, какъ перзаеися шелерь эпо сердце! ...“

„Я знаю его, прерваль *Волдемаръ*; но прочь опъ насъ всѣ печальныя воспоминанія прошедшаго: блаженство эпой минушы изпребило всякое чувство минувшихъ горестей и все, что можеть помрачить радостныя взоры. Блаженство сихъ минушь должны мы видѣть во всей его полношѣ. Я спрадалъ, но Небеса услышали наконецъ гласъ несчастнаго, и я оправданъ передъ тобою и передъ цѣлымъ свѣтомъ. Прими руку примиренія; съ новою горячностію дружбы заключаю я шебя въ мои объятія! Благо намъ, что всещедрыя Небеса не допустили меня погибнуть жершвою бѣдспвія и несчастій! Благо намъ, что они хранили меня до сего часа!“

„Благо миѣ! вскричалъ *Росвикъ*, обнимая его сердечно, что Небеса сохранили шебя до сего часа, несчастный другъ! Чемъ я могу загладить

хотя часть моей ужасной прошивъ
тебя несправедливости!“

„Оставь это, прерваль *Волде-
маръ*: что уже сдѣлано, того воз-
вратишь не лзя, другъ мой! Настоя-
щее должно наградишь насъ. Я на-
дѣюсь, что щаспіе меня не обманешъ;
надѣюсь, что благополучіе дѣшей мо-
ихъ ушѣщитъ меня наконецъ послѣ
многихъ бурь. *Олмаръ* и *Эда* бу-
душъ благополучны, и я буду почи-
пать тебя какъ даровавшаго имъ
это щаспіе, и исполненный любви и
благодарности забуду охотно про-
шедшее, чего и перемѣнишь уже не
возможно.“

„Какъ великодушно поступаешь
со мною Небо! воскликнулъ *Росвикъ* —
ты вступишь со мною въ Замокъ, раз-
дѣлишь все мое богатство, соеди-
нишься со мною новыми узами друж-
бы, и каждый день для насъ будетъ
днемъ безмятежнаго торжества и
спокойствія.“

„Нѣтъ, *Росвикъ*! прервалъ *Волдемаръ*, этого не можешь и не должно быть, и я убѣгалъ бы опъ того, какъ опъ моего врага, кто изпоргъ бы меня изъ моего уединенія, и хотѣлъ опяшь возврашнть въ свѣтъ, въ копоромъ бы новыя опасности окружали мой каждый шагъ; но теперь выслушай еще нѣчто: ты пяхко огорчилъ меня и совершенно безъ опмщенія не могу я тебя оставить: сладость этого мщенія удовлетворить жаждущему моему сердцу.“

„Опмсни мнѣ, опвѣчалъ *Росвикъ*, я не защищаю себя, мщеніе заслужено мною справедливо.“

„Такъ вооружи себя пвердоспю, вскричалъ *Волдемаръ*, минуша мщенія наступила!“

Волдемаръ в другъ опдернулъ черный занавѣсъ позадь гробницы, и дверь, копорая была за нимъ, разпворилась; юноша въ полномъ блескѣ прелесшей вышелъ изъ за нее; *Волдемаръ* взялъ его за руку: „Подойди

ближе, *Росвинь!* сказала *Волдемарь*, здѣсь надъ гробомъ моеи супруги, возвращаю я тебѣ своего *Эдгарда*, давно оплаканнаго сына, воптъ онъ!“

„Всемогуцій Боже! что я слышу! *Эдгардъ!* мой сынъ!“ вскричала *Росвинь* въ величайшемъ изступленіи радостнаго восторга и въ сладости очарованія своихъ чувствъ повергся въ объятія *Эдгарда*.

Сильно въ оцупительныхъ слуху ударахъ бились сердца *Росвина* и *Эдгарда* въ неизъяснимомъ восторгѣ восхищенія. *Минона*, *Эдда* и *Олмарь*, воспламененные чувствомъ священнаго содроганія, просперли къ нимъ свои объятія, и казалось, что Небо и земля принимали участіе въ ихъ блаженствѣ.

Въ минушы, подобныя симъ, изъ коихъ каждая превосходитъ спольше; въ копорыя сердце едва вмѣщаетъ полношу блаженствъ и восхищеній слова, слабы изъяснить неизъяснимое.

Какъ легкой весенней шуманъ исчезають облака горести и каждая печальная мысль, такъ и *Волдемаръ*: въ его взорахъ сіяло восхищеніе; онъ любовался, взирая на прекрасную группу; каждый слѣдъ прошедшаго сраданія и горестей исчезъ изъ его воровъ, и одно блаженство настоящаго наполняло его душу; онъ чувствовалъ себя счастливѣе всѣхъ, счастливѣе, нежели нѣкогда онъ быль надѣялся. *Росвикъ*, *Эдгардъ*, *Минона*, *Эдда* и *Олмаръ* наслаждались съ нимъ равномерно.

Долго не могли собраты ихъ чувствовать, разсѣянные великою счастіемъ, чтобы получить объясненіе на многое, что еще для нихъ было непостижимо.

„Мнѣ кажется еще все приятнымъ сномъ, сказалъ *Росвикъ*, обращаясь къ *Волдемару*; я лишилъ себя всего, а ты возвращаешь все мнѣ, своему врагу, и въ моемъ сынѣ ты отмстилъ мнѣ великимъ, благород-

нымъ мщеніемъ; но я еще не понимаю, кому долженъ я жизнию моего *Эдгарда*?“

„Эпо для тебя будетъ погнаться ясно, прервалъ его рѣчь *Волдемаръ*; онъ отворилъ дверь другой пещеры, и человекъ дикаго взора и ужаснаго вида вошелъ къ нимъ. Знаешь ли ты этого?“ спросилъ *Волдемаръ Росвика*.

Росвикъ разсматривая прилѣжно незнакомца: „*Рулвольдъ*! сказалъ онъ наконецъ, ты ли это?“

„Я *Рулвольдъ*, вѣроломный измѣнникъ, копорый былъ причиною вашихъ спраданій,“ вскричалъ незнакомецъ и бросился къ ногамъ *Росвика*.

Росвикъ. *Рулвольдъ*! ты?.. ты причиною моихъ спраданій? я не понимаю ничего.

Рулвольдъ. Можете ли вы просить мнѣ мое злодѣйство? можешь ли мое глубочайшее раскаяніе и блаженство эпой щасливой минушы

Книж. VI. В

ходатайствовать за меня у вашего сердца?

Росвикъ. Я имѣю опять моего сына; я самъ прошу прощенія: могу ли опказать въ немъ себѣ; но опкрой мнѣ все, дай знать мнѣ почто, въ чемъ я прощаю себя?

Рулвольдъ. Я употребилъ во зло вашу ко мнѣ довѣренность: вы осыпали меня благодареніями, а я за оныя роужалъ руку мою къ вашей гибели. *Рино*, этотъ хитрый, ужасный злодѣй былъ причиною моей измѣны прошиву васъ: различными хитростями онъ умѣлъ опклонить онъ васъ мое сердце; наполнилъ его прешивъ васъ ненавистью, и выигралъ всю мою довѣренность къ себѣ. Прежде нежели я самъ узналъ, былъ уже неразрывно запушанъ въ его сѣпи, не могъ болѣе изъ нихъ освободиться, и поступалъ по моимъ желаніямъ. Позвольте умолчать мнѣ о средствахъ, которыя употреблялъ этотъ извергъ, чтобы сдѣлать изъ

меня совершеннаго невольника своею властью, и принудить меня пропивъ моего желанія бытъ злодѣемъ. Довольно и сего; *Рино* умѣлъ употребить мое честолюбіе и привязанность къ деньгамъ въ свою пользу, для исполненія своихъ намѣреній; его блестящія обѣщанія показывали мнѣ ослѣпляющую будущность щастія, богатства и знапности, и я чувствовалъ себя еще прежде владѣтелемъ части вашего богатства и имѣнія; на развалинахъ вашего величія и славы долженъ былъ я возвыситься изъ праха ничтожества на степень знапности и богатства. Но поздно узналъ я, что эпошъ злодѣй никогда и не думалъ сдержанъ данное мнѣ слово, но что все то хотѣлъ исполнить для самаго себя, и что я долженствовалъ сдѣлаться жертвою собственнаго моего злодѣйства, еслили я не буду уже болѣе ни въ чемъ нуженъ, и всѣ его намѣренія будутъ исполнены пропиву васъ! Благородный

Волдемаръ даль мнѣ это почувствовашь.

Росвикъ. Подлый злодѣй! но далье, далье.

Рулвольдъ. Короче, я былъ подкупленъ имъ пропивъ васъ, и воспользовавшись вашимъ опсущствіемъ изъ Замка, въ одинъ день я похишилъ вашего сына *Эдгарда* и расположилъ все это такъ, что найденное письмо и окровавленная одежда *Эдгардова* сложила весь видъ преступленія на *Волдемара*. Чувство моего злодѣйства удалило меня отъ васъ: при каждомъ шагѣ препеналъ я, что все будетъ открыто, и для того, оставя замокъ вашъ, я удалился на морской берегъ въ ушесы горъ *Кульы*, гдѣ *Рино* и опдалъ мнѣ *Эдгарда* для сохраненія. Его смерть была опредѣлена; но нѣкопорыя общояшельства принудили *Рино* опложитъ смерть его до того времени, покуда всѣ его предпріятія будутъ окончаны, и мщеніе надъ вами совершено. Когдабъ

вы не имѣли уже ничего , когда бы злоба его низвергла васъ : тогда хопѣло это чудовище въ поржеспвѣ явишься предъ васъ , опкрышь вамъ злодѣйство свое , умерпвишь въ глазахъ вашихъ вашего сына и наслаждашья вашими мученіями и опчаяніемъ.

Росвинъ. Ужасно !

Рулвольдъ. Но въ совѣтѣ вѣчныхъ судебъ было заключено иначе : злодѣю опредѣлено было пасть самому подъ развалинами собспвенныхъ своихъ злодѣйствъ въ шопъ ровъ , кошорый онъ ископаль для васъ ; *Волдемаръ* умѣль проникнуть шайныя намѣренія этого изверга ; онъ нашель меня , опкрыль завѣсу предъ моими взорами , скрывавшую злодѣя , и возвращиль меня на прежній , истинный пупь . Этому добродѣпельному единственно обязаны вы благодарностію за жизнь и возвращеніе вамъ вашего *Эдгарда*.

Росвикъ. (*заклячая Волдемара въ свои объятія*) *Благородный другъ мой!*

Рулвольдъ. Чрезъ его увѣщанія и разительныя совѣты довелъ онъ меня до того, что я ввѣрилъ ему вашего *Эдгарда*, и онъ старался, чтобъ *Эдгардъ* удалился отъ свѣта и никому неизвѣстенъ воспитывался въ священной обители ближняго монастыря, гдѣ попеченіе о его воспитаніи ввѣрено было такимъ людямъ, въ копорыхъ съ познаніями и образованіемъ соединялась добродѣтель, и они образовали изъ ихъ воспитанника совершеннаго гражданина и полезнаго члена обществу, достойнаго носить имя ваше. Изрѣдка получалъ я извѣстія отъ *Рино* о продолженіи его дѣйствій, какъ наконецъ его сынъ *Гиральдо* явился ко мнѣ съ предложеніемъ умертвить *Эдгарда*, потому что смерть его могла опровергнуть отъ *Рино* открытіе его злодѣйствъ. Уже всѣ мѣры были приняты

мною, чшобъ захвапшть подлаго *Гиральдо* и предашь его правосудію; но онъ избавился опъ меня скорымъ бѣгствомъ, и я получилъ извѣстіе опъ благодѣштельнаго *Волдемара*, немедленно явышсья сюда, гдѣ нахожу я и васъ такъ неожиданно, чшобъ признашсья вамъ въ моемъ заблужденіи и изпросишь прощенія въ моихъ преступленіяхъ.

Росвикъ. Твое раскаяніе изглаживаешь швои преступленія; блаженство этого часа изшребляетъ во мнѣ всѣ воспоминанія прошедшаго: я прощаю тебѣ!

Руत्वольдъ. Примите мою чувствительнѣйшую благодарность, великодушный благодѣшель!

Росвикъ. Но гдѣ жъ это чудовище, недостойный *Рино*?

Волдемаръ. Теперь онъ не имѣетъ больше средствъ вредить тебѣ; меч правосудія вознесенъ надъ ним. и онъ не можеть избѣжать его: *Рино* и *Гиральдо* находятся теперь въ ру-

какъ Судей; тамъ въ шемницѣ будешь еще довольно для нихъ времени принести раскаяніе Всевышнему въ безчисленныхъ своихъ пресупленіяхъ и просишь Его пощады. Монархъ уведомленъ обо всемъ; яснѣйшія доказательства о пресупленіяхъ сихъ злодѣевъ въ рукахъ его Министровъ и Судей. *Моло* съ своими товарищами раздѣляетъ съ *Рино* участь его въ шемницѣ, и стоятъ теперь предъ судомъ, какъ ужаснѣйшіе свидѣтели его злодѣйствъ; уже жезлъ его ничтожества сокрушенъ надъ его главою: спѣши въ столицу увѣришься самъ въ этой истиннѣ.

Росвинъ. Какъ и чѣмъ долженъ я благодарить тебя за все, что ты для меня сдѣлалъ?

Волдемаръ. Я буду награжденъ довольно, если ты поправишь ошибку твою, и наградишь по въ моемъ сынѣ мнѣ, что пресупилъ нѣкогда предо мною. Ты вручаешь ему *Минону*; онъ будетъ сынъ твой, и его счастье

украшншь зарею радости западъ жизни моей.

Росвикъ. Я съ радостію принимаю его какъ сына, и день возвращенія нашего въ Замокъ будетъ днемъ соединенія ихъ съ *Миноюю*.

Съ пламеннымъ восхищеніемъ поверглись *Олмаръ* и *Миона* въ его объятія, чпобъ онъ прочель въ ихъ взорахъ шо, для чего уста ихъ не находили выраженій.

Между шбмъ *Волдемаръ* сложилъ руку *Эдды* съ рукою *Арно* для вбчнаго и неразрывнаго союза душъ споль нбжныхъ, и украсилъ добродбштельную чешу своимъ опеческимъ благословеніемъ: воспорги шихой радости исполнили сёрдца всбхъ.

Росвикъ началъ просишь попомъ *Волдемара* оставишь свое уединеніе и поселишь ся съ нимъ въ его Замокъ, чпобъ послб уже никогда не разлучашь ся; но сей пребылъ неумолимъ; а ешьли не хотблъ онъ огорчишь его, шии совсбмъ опдалишь опъ себя, шо

долженъ былъ самаго себя принудить исполнить его волю.

Волдемаръ открылъ попомъ другу своему многія произшествія въ своей жизни, и рассказалъ ему наконецъ, какъ онъ, по долгомъ бѣдспвенномъ пупешествіи, нашель напоследокъ прибѣжище въ сихъ ужасныхъ подземельяхъ *Хиллы*.

„Мое несчастіе, продолжалъ онъ, исключило меня совершенно изъ круга людей, и возвело меня на вершину пороковъ. Я сдѣлался начальникомъ такихъ людей, которыхъ бѣдспвіе сдѣлало мнѣ братьями; мой злобный рокъ принудилъ меня заключить союзъ съ ними; но я спарался исправить эпотъ шагъ, и употреблялъ въ хорошую спорону ихъ довѣренность ко мнѣ. Я былъ пылкій преслѣдователь злобы и тайнаго пронырства; многіе невинные изгнанники, многія несчастныя фамиліи обязаны мнѣ благодарностію за свое наспоющее щасшіе, и за совершенное испреб-

леніе ихъ гонимелей и злодѣевъ. Я самъ назначилъ окончаніе печенію споль ужаснаго образа жизни нашей. Взгляните вѣкругъ себя: сіи подземелья всѣ очищены; я разрѣшилъ узъ нашего общества, и моихъ вѣрныхъ, доселѣ мнѣ подчиненныхъ; опъ себя опдалилъ, сдѣлавъ изъ нихъ попрежнему добрыхъ гражданъ и друзей обществу. “

„Теперь примиренные съ своею неприязненною судьбою, будущъ они съ большимъ жаромъ слѣдованъ по стопамъ чесни и добродѣтели, нежели нѣ, опорые зикогда не упадали. И такъ я могу спокойно предашья самому себѣ и моему уединенію, изъ котораго я буду выходить на немногія минуны, чпобъ`насладишья вашимъ щаспїемъ.“

Волдемаръ оспался непоколебимымъ въ эпомъ намѣреніи, и чрезъ немногіе дни ушвердила рука Священнослужителя союзъ чепырехъ спрашпныхъ сердець навѣки, который

дароваль имъ, *Росвику* и *Волдемару*, сладостное, не возмущаемое ни чѣмъ болѣе шаспіе. Долгое время еще Провидѣніе позволяло *Волдемару* наслаждаться шаспіемъ и благополучіемъ своихъ дѣшей, какъ наконецъ крошкѣй Геній смерти соединилъ его съ любезною его супругою, и онъ крошкю и съ небеснымъ спокойствіемъ закрылъ глаза свои вѣчнымъ сномъ въ объятіяхъ дѣшей своихъ и друга.

Конецъ VI Книжки и послѣдней.

